

МАРКУС ЗУСАК

Я – ПОСЛАННИК

Маркус Зусак

Я – посланник

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9819632
Маркус Зусак. Я – посланник: Эксмо, Домино; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-96660-8

Аннотация

Вы когда-нибудь мечтали стать героем? Спасти из горящего дома девушку, вытащить из воды ребенка, совершить отчаянный, но благородный поступок? Эд Кеннеди ни о чем подобном не мечтал. Он просто жил, иногда играл в карты, работал. И так бы и продолжалось, если бы однажды Эд не сорвал дерзкое ограбление банка.

Вот тут-то и пришлось ему сделаться посланником. Но кто его выбрал на эту роль и с какой целью?

Впрочем, привычка плыть по течению пригодилась Эду и здесь: он безропотно ходит от дома к дому и приносит кому пользу, а кому и вред – это уж как решит избравшая его своим орудием безымянная и безликая сила. Каждая выполненная миссия оставляет в его судьбе неизгладимый след, но приближается ли разгадка тайны?

Содержание

Часть 1. Послание первое	5
А ♦. Ограбление	7
2 ♦. Почему секс не похож на математику, или Введение в жизнь Эда Кеннеди	24
А ♦. Бубновый туз	38
4 ♦. Судья и зеркало	56
5 ♦. Размышления о наблюдаемом насилии	61
6 ♦. На пределе	67
7 ♦. Харрисон-авеню	69
8 ♦. Как я был Джимми	83
9 ♦. Босоногая девушка	94
10 ♦. Обувная коробка	107
J ♦. Простой смертный	112
Q ♦. Возвращение на Эдгар-стрит	115
K ♦. Убийство в соборе	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Маркус Зусак

Я – посланник

Markus Zusak: THE MESSENGER

Copyright © Markus Zusak, 2002

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC.

Разработка серии и оформление обложки: Александр Кудрявцев, студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете Виталия Аникина

© Осипова М., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Посвящается Скауту

Автор выражает признательность друзьям из «Baucrew», Совету таксистов Нового Южного Уэльса и Анне Макфарлейн за ее профессионализм и преданность делу

Часть 1. Послание первое

A

A

Эдгар-стрит, 45. Полночь
Харрисон-авеню, 13. 6 утра
Македони-стрит, 6. 5.30 утра

A

A

А ♦. Ограбление

Грабитель оказался полным придурком.

Я это знаю.

Он это знает.

Вообще-то, весь банк это знает.

Даже мой лучший друг Марвин это знает, а уж такого придурка, как он, еще поискать.

А самое главное, машина Марва – на платной парковке. Стоянка – пятнадцать минут. А мы все лежим мордой в пол, и эти пятнадцать минут сейчас закончатся.

– Какой неторопливый парень, – излагаю я свою мысль.

Марв шепчет в ответ:

– Ага... Что ж за жизнь такая... – Его голос поднимается, как из колодца, с большой глубины: – Меня оштрафуют. Из-за этого вот придурка. А где я возьму денег на штраф? А, Эд?

– Была б еще машина попримичнее, а то...

– Что ты сказал?

Так. Марв повернулся ко мне лицом, и я сразу понял: обиделся он. За свою машину Марв не знаю что может сделать. Уж очень любит эту тачку – и не любит, когда о ней плохо отзываются.

И теперь Марв завелся:

– Ну-ка, повтори, что ты сказал!

– Да вот, сказал, – отчаянно шепчу я, – что проще машину

продать, чем штраф платить...

– Значит, так, – шипит он. – Ты мне друг, Эд, но вот что я тебе скажу...

Ну, теперь это надолго. Монологи Марва про машину слушать невозможно – вот я и не слушаю. Он будет нудеть и ныть, нудеть и ныть, прямо как ребенок, а ведь ему двадцать лет – господи, как так можно...

Я дал ему понудеть минуты полторы. Потом жестко прервал:

– Марв, у тебя не машина, а развалюха. Даже ручного тормоза нет, ты кирпичи под задние колеса подкладываешь.

Я стараюсь говорить очень-очень тихо, несмотря на эмоции.

– Ты даже запираешь ее через раз, и правильно: угонят – хоть страховку получишь.

– Моя машина не застрахована!

– Вот именно!

– Страховщик сказал, что дело того не стоит.

– Я его понимаю, сам бы не...

Договорить не получается – грабитель поворачивается в нашу сторону и орет:

– Это кто там разговоры разговаривает?

Я-то замолчал, а вот Марв – нет. Ему плевать на грабителя и на его пушку.

– Развалюха? Развалюха?! А кто на этой развалюхе тебя на работу подвозит?! Я! Я подвожу, поганый ты выскочка!

– Я – выскочка?! Это что вообще за слово такое, «выскачка», ты про кого сказал?!

– А ну заткнись там, в зале! – снова орет грабитель.

– Тогда шевелись! Слышал, нет? Быстрее давай! – ревет в ответ Марв.

Мой друг зол. А что вы хотите?

Во-первых, он лежит лицом в пол.

Во-вторых, банк, где он лежит, грабят.

В-третьих, очень жарко, а кондиционер сломан.

Ну и до кучи – его машину обидели, оскорбили и унизили.

Вот почему старина Марв зол! Он не просто зол! Он зол как черт!

А мы, между прочим, так и лежим – на вытертом грязном ковролине. И смотрим друг на друга – жестко так, ибо спор не окончен. Наш друг Ричи лежит в детском уголке, частично на столике с «лего», частично под столиком с «лего», а вокруг валяются яркие веселенькие куски конструктора. Ричи рухнул в них, когда в банк ворвался грабитель. Тот орал и размахивал пушкой, поэтому все упали, где стояли, еще бы. Сразу за мной лежит Одри. Ее ступня придавила мне ногу, и та затекла.

А придурок с пушкой завис над операционисткой, только что в нос ей не тычет. У девушки на груди беджик с именем «Миша». Бедная Миша. Она дрожит, идиот-грабитель тоже дрожит. Все дрожат и ждут, пока прыщавый клерк в галстук наполнит сумку деньгами. Клерку под тридцать, у него под

мышками темные круги от пота.

– Что ж он так копается-то? – ворчит Марв.

– Сколько можно нудеть? – ворчу я в ответ.

– А что, нельзя уже и слова сказать?!

– Ногу убери, – говорю я Одри.

– Чего? – шепчет она.

– Ногу, говорю, убери с меня, затекло все.

Она убирает ногу. Мне кажется – неохотно.

– Спасибо.

Грабитель снова оборачивается и грозно кричит:

– В последний раз спрашиваю, кому жить надоело? Кто тут пасть разевает?!

А надо вам сказать, что общаться с Марвом... ну... проблематично... Он любит поспорить – есть за ним такое. Ну и вежливым его тоже не назовешь. Знаете, бывают такие друзья: только заговорили о чем-то, и бац! – уже препираетесь. А если речь зашла о задрипанном «форде» Марва – все, это вообще конец. Короче, мой друг – настоящий инфантильный засранец. А когда он не в духе, дурь прет из него – не останавливать.

Вот как сейчас, к примеру. Марв хихикает и кричит на весь зал:

– Разрешите доложить! Разговаривает Эд Кеннеди, сэр!

Эд Кеннеди, сэр, к вашим услугам, сэр!

– Спасибо тебе огромное, Марв, – бурчу я.

Потому что Эд Кеннеди – это мое имя. Эд Кеннеди, де-

вятнадцати лет, водитель такси, живу в пригороде, обычный парень без особых перспектив и возможностей. Ах да, еще слишком много читаю, не умею заполнять налоговую декларацию, и с сексом у меня не то чтобы очень. Короче, вот. Эд Кеннеди, очень приятно, очень приятно, Эд Кеннеди.

– Ну так заткнись, ты, Эд, или как тебя там! – орет грабитель. – А то подойду и отстрелю задницу к такой-то матери!

А я снова вижу себя в школе на уроке математики: садист-учитель прохаживается перед доской, как генерал на плацу, выдавая задание за заданием, и плевать ему на математику и на нас, он ждет не дождется конца урока, чтобы пойти домой и накачаться пивом перед теликом.

Я поворачиваюсь к Марву. Когда-нибудь я сверну ему шею.

– Тебе двадцать – двадцать! – лет, Марв! Нас всех убьют сейчас, идиот!

– А ну заткнись, Эд!

По голосу понятно, что грабителю наша беседа надоела. Поэтому я перехожу на шепот:

– Меня убьют, а виноват будешь ты! Слышишь? Ты!

– Я сказал – заткнись! Заткнись, Эд, черт тебя дери!

– А тебе, Марв, лишь бы пошутить!

– Так, ну все, Эд.

Грабитель разворачивается и идет к нам.

Похоже, наши характерные для инфантильных засранцев разборки его достали по самое не могу. Когда человек с пи-

столетом доходит до нас, мы все поднимаем головы и смотрим на него.

Марв.

Одри.

Я.

Вокруг нас пол устлан такими же невезучими индивидуумами. Они тоже поднимают головы и смотрят.

Дуло упирается мне в переносицу. Щекотно, а почесаться нельзя.

Грабитель поворачивается то к Марву, то ко мне, то к Марву, то ко мне. Даже сквозь натянутый на лицо чулок видны рыжеватые усы и красные шрамы от угрей. Добавьте к этому свинячьи глазки и большие уши, и вы поймете, что бедняга просто обижен на мир: ему, наверное, три раза подряд присуждали первый приз на ежегодном конкурсе уродов.

– Ну и кто из вас Эд? – спрашивает красавец с пистолетом.

– Он, – показываю я на Марва.

– Да ладно тебе, – возражает Марв.

И я отчетливо осознаю, что мой друг не очень-то напуган.

Марв уже понял, что грабитель: а) придурок, б) непрофессионал. Иначе бы мы оба уже лежали мертвыми.

Дружок мой смотрит вверх, задумчиво чешет подбородок и сообщает мужику в чулке:

– Слушай... что-то лицо у тебя знакомое...

– Так, – пытаюсь я исправить ситуацию. – Хорошо, Эд – это я.

Но грабителю не до меня – он слушает Марва.

– Марв, – отчаянно шепчу я, – заткнись!

– Марв, заткнись! – Это говорит Одри.

– Заткнись, Марв! – вопит через весь зал Ричи.

– А ты кто такой, черт побери?! – орет на Ричи грабитель.

Тот поворачивается, явно пытаюсь определить, откуда идет голос.

– Я кто такой? Я Ричи!

– И ты, Ричи, тоже заткнись! Заткнись и не встревай, понял?!

– Да без проблем, сэр, – отвечает Ричи. – Большое спасибо за совет.

Вот такие у меня друзья – все как один мастера посте – баться. С чего бы это, спросите вы? А я знаю? По жизни они у меня веселые, вот чего.

Тем временем парень с пушкой начинает закипать. Я вижу, как этот пар струится из каждой поры его кожи, даже сквозь чулок.

– Я не знаю, что сейчас с вами сделаю, чертовы уроды! – рычит грабитель.

Мы довели его до белого каления – еще чуть-чуть, и начнет изрыгать пламя.

Но Марв, как вы понимаете, затыкаться не собирается.

– Слушай, я вот все думаю, мы с тобой в одной школе не учились?

– Я понял, – нервно облизывает губы парень с пистоле-

том. – Ты хочешь умереть. Да или нет?

– В общем и целом – нет, – вежливо откликается Марв. – Я просто хочу, чтобы ты оплатил мой штраф. За парковку. Там стоянка – пятнадцать минут максимум. А ты меня задержал и...

– Я тебя щас навечно здесь оставлю!

Дуло пистолета теперь смотрит на Марва.

– Слушай, ты какой-то сегодня слишком агрессивный, не находишь?

«О боже! – думаю я. – Марву конец. Сейчас получит пулю в лоб».

А между тем грабитель, щурясь, рассматривает через стеклянные двери банка стоянку – видно, желает угадать, которая из машин принадлежит моему другу.

– Которая из них твоя? – неожиданно вежливо спрашивает он.

– Голубой «форд фолкэн».

– Вон та помойка? Да на нее не то что деньги потратить, насыть жалко! Какой штраф, ты что?

– Одну секундочку! – вспыхивает Марв пламенем от новой лютой обиды. – Ты взял банк или нет? Тебе что, трудно оплатить мой штраф?

А между тем...

Раздается голос Миши – той самой несчастной операционистки. Сейчас перед ней лежит мешок, полный денег.

– Все готово!

Грабитель разворачивается и направляется в ее сторону.

– Быстрее, сука! – рывкает он на бедняжку, и та немедленно вручает ему сумку с наличными.

Люди, которые грабят банки, разговаривают именно так. В кино, во всяком случае. Грабитель явно смотрел правильные фильмы. И вот он идет обратно к нам – в одной руке пистолет, в другой деньги.

– Ты! – кричит он мне.

Похоже, мешок с долларами придает парню уверенности в себе. И я бы точно получил пистолетом по голове, если бы не одно маленькое обстоятельство. Грабитель вдруг поворачивается к улице.

Всматривается в то, что там происходит.

Из-под чулка по шее сползает струйка пота.

Дыхание его сбивается.

Мысли путаются, и...

– Не-е-ет! – орет он.

Ха-ха, там полиция.

Правда, не по его душу, – о том, что происходит в банке, еще никто не знает.

Полицейские высадились рядом с золотистой «тораной» и попросили водителя перепарковаться, – машина стояла во втором ряду у входа в булочную и мешала покупателям. «Торана» явно ждала нашего героя. Но делать нечего, она уезжает, и полицейские, выполнив свой долг, отправляются вслед за ней. А наш придурок остается с пистолетом и мешком де-

нег – но без машины.

И тут его осеняет.

Он снова поворачивается к нам.

– Ты, – рявкает он на Марва, – ну-ка, давай сюда ключи от твоего рыдвана.

– Что?

– Что слышал! Ключи, быстро!

– Я не могу! Мой «форд», это... это же антиквариат!

– Это дерьмо, а не антиквариат, – встречаю я. – Марв, немедленно отдай ключи от драндулета, или я сам тебя пристрелю!

С кислой рожей Марв лезет в карман за ключами.

– Будь с ней нежен, – жалобно просит он.

– Иди в задницу, – отфыркивается грабитель.

– Это жестоко, в конце концов! – орет из кучи «лето»

Ричи.

– Заткнись, придурок! – гордо бросает грабитель и выскакивает из банка.

Бедняга. Он не знает, что вероятность завести машину Марва с первого раза – пять процентов, не более.

Грабитель на всех парах вылетает из дверей и бежит к дороге. Тут же спотыкается и роняет пистолет. Секунду колеблется, поднимать оружие или нет, – парень в панике, это видно по лицу. Соображает, что надо делать ноги, быстро. Пистолет остается на земле, грабитель бежит дальше.

А мы уже решились поднять головы и встать на колени –

интересно же посмотреть.

Ага, вот он подбегает к машине.

– Смотри, что сейчас будет, комедия только начинается, – хихикает Марв.

Одри, Марв и я – все затаили дыхание, смотрим. Ричи уже на полпути к нам, конечно, ему ведь тоже любопытно.

Естественно, грабитель тут же попадает впросак: тупо глядя на связку ключей, он силится понять, какой из них от машины. Мы не выдерживаем и начинаем дико хохотать.

Жалкий придурок в конце концов залезает в «форд» и пытается его завести. Машина, понятное дело, не заводится – раз за разом.

И вот тогда... Даже не знаю, почему так поступил.

В общем, я выскакиваю наружу. Поднимаю пистолет. Бегу через дорогу, грабитель смотрит на меня, я – на него. Он пытается вылезти из машины, но куда там – я стою прямо у окна «фордика».

И целюсь ему в переносицу.

В общем, он замер.

По правде говоря, мы оба замерли.

И тогда этот придурок все-таки попытался вылезти и побежать. А я – не знаю, как это получилось, даже не спрашивайте! – шагнул вперед и... стрельнул.

И тут стекло как посыпалось!

И Марв как заорет:

– Ты что делаешь, урод?! Это моя машина, мать твою так!

Оказалось, он тоже выбежал из банка и стал на другой стороне улицы.

С истошным воем сирен подъезжает полиция. Грабитель падает на колени.

– Какой же я придурок, – стонет он.

А я думаю: «Да, парень, это ты верно про себя сказал».

Какое-то мгновение мне даже его жалко. Передо мной хрестоматийный пример злосчастия и злополучия в одном флаконе. Сами посудите. Во-первых, он умудрился ограбить банк, в котором стояли в очереди невозможно тупые индивидуумы вроде нас с Марвом. Во-вторых, машина с подельниками уехала с концами, прямо на его глазах. Ну и наконец, спасенье было так близко – чужая тачка на стоянке, в руке ключи, и на тебе! Не завелась! А все почему? Потому что это была самая убогая и жалкая тачка в Южном полушарии. Короче, сердце мое переполнилось сочувствием. Вы понимаете меня? Пережить такое унижение! Бедняга...

Полицейские надевают на него наручники и заталкивают в машину, а я напускаюсь на Марва:

– Ну что? Теперь-то ты понял? – Голос мой становится все крепче и громче: – Нет, ты понял? Вот лишнее подтверждение убогости этого, – тычу я пальцем, – убогого драндулета. – Мгновение уходит на поиски нужной формулировки. – Будь твой рыдван, Марв, вполовину менее жалок, парень бы смылся и его бы не взяли, понимаешь?

Марв может только с горечью вздохнуть:

– Да, Эд.

Похоже, мой друг действительно желал удачи грабителю – лишь бы спасти репутацию принадлежавшей ему кучи хлама под названием «форд».

Но машина в очередной раз подвела. Кругом валяются осколки – на асфальте, на сиденьях... У Марва такой вид, словно заодно со стеклом разбились все его надежды.

– Слушай, – бурчу я, – прости, что так с дверцей вышло, я не хотел...

– Забудь и наплюй, – уныло отвечает Марв.

Пистолет все еще у меня в руке. Почему-то он теплый и липкий, как подтаявшая шоколадка.

Полицейских тем временем все прибывает.

Нам приходится ехать в участок, чтобы ответить на вопросы. Там расспрашивают про ограбление, требуют подробностей. Что же там, собственно, произошло? И как это у меня в руке оказался пистолет?

– Значит, он его просто выронил?

– А я о чем вам битый час рассказываю?

Тут полицейский поднимает голову от протокола.

– Значит, так, сынок. Ты не петушись. Это лишнее, петушиться тут передо мной.

У него пивное брюхо и седые усы. Полицейские почему-то любят их отпускать – для солидности, наверное.

– Петушиться? – осторожно переспрашиваю я.

– Да, сынок. Петушиться.

Петушиться. Емкое слово, ничего не скажешь.

– Извините, – меняю я манеру общения. – Грабитель выронил свое оружие на пути из банка, а я его подобрал в ходе преследования. Вот и все. Мы в жутком стрессе от произошедшего. Так нормально?

– Нормально.

Полицейский расписывает протокол целую вечность. Мы покорно ждем. Впрочем, один раз нам удастся вывести мистера Пивное Брюхо из себя – Марв заговаривает о денежной выплате за поврежденную машину.

– Это ты про «форд фолкэн», что ли? – интересуется полицейский.

– Так точно, сэр.

– Скажу тебе прямо, сынок. Твоя машина оскорбляет общественную мораль и человеческие чувства. Так нельзя, парень.

– А ведь я тебе говорил, – напоминаю я Марву.

– У этого кошмара даже ручника нет.

– Ну и что?

– А то, умник, что лишь из чистого милосердия я не выписываю тебе штраф. Без ручного тормоза машина не отвечает требованиям безопасности.

– Огромное вам спасибо! – выпаливает Марв.

– Не за что, сынок, – великодушно улыбается полицейский.

У самых дверей нас настигает финальная реплика:

– И вот тебе мой совет, дружок.

Марв покорно плетется назад.

– Да, сэр?

– Купи себе новую машину.

Марв одаривает полицейского долгим серьезным взглядом и изрекает:

– У меня есть уважительные причины для того, чтобы воздержаться от покупки, сэр.

– Какие? Денег нет?

– Нет, что вы. Деньги у меня есть. Я же не безработный какой. – Марву даже удается принять самодовольный вид полноценного члена общества. – У меня другие приоритеты. – Марв улыбается: улыбка – это последнее прибежище гордого хозяина такого рыдвана. И добавляет, чтобы ни у кого не осталось сомнений в его лояльности к убитому «форду»: – А кроме того, сэр, я просто люблю свою машину. Вот и все, что я хочу сказать.

– Хороший ответ, сынок, – важно кивает полицейский. – Иди себе с миром.

– Приоритеты?! Марв, ну какие, на хрен, у тебя могут быть приоритеты?! – шиплю я, когда за нами затворяется дверь.

Марв решительно щурится в пространство перед собой и строго говорит:

– Заткнись, Эд. И больше ни слова. Может, для кого-то ты и герой, а для меня – просто криворукий засранец. Ты мне стекло разнес пулей! Идиот!

– Оплатить тебе ущерб?

На лице Марва образуется улыбка, знаменующая прощение.

– Нет.

По правде говоря, я вздохнул с облегчением. Вложить свои кровные в ржавый «фолкэн»? Лучше смерть, чем такое.

И вот мы выходим из дверей полицейского участка и тут же видим Одри и Ричи – конечно, нас ждут. И оказывается, не только друзья.

Перед нами целая толпа фотокорреспондентов, и мы едва не слепнем от вспышек.

– Вот он! – кричит кто-то.

Я не успеваю возразить, вокруг тотчас образуется хоровод из лиц, – меня засыпают вопросами, глядят в рот и ждут ответов. С пулеметной скоростью я отстреливаюсь от папарацци, снова и снова рассказываю, как побежал, как подобрал... и так далее. Мой пригород не такой и маленький, во всяком случае с радио, телевидением и газетами в нем все нормально. И завтра каждый желающий покажет репортаж или напечатает статью по этому громкому поводу.

Я пытаюсь представить заголовки.

«Простой водитель такси оказался героем» – вот это бы-

ло бы здорово, меня бы устроило на все сто. Но реально стоит ожидать таких: «Внезапный подвиг местного тунеядца». Марв, конечно, обхохочется.

Вопросы сыплются минут десять, потом толпа расходится. Мы вчетвером идем к парковке. На лобовом стекле здоровенная квитанция – владельцу «фолкэна» вклепили штраф, кто бы сомневался.

– Сукины дети, – констатирует Одри.

Марв выдергивает бумажку из-под «дворника» и мрачно знакомится с содержанием. Подумать только, он ведь приехал в банк, чтобы зачислить деньги на счет – ему как раз дали зарплату. А теперь все пойдет не на счет, а на штраф.

Потом мы долго копошимся, сметая осколки с сидений, и кое-как усаживаемся. Марв поворачивает ключ в замке зажигания – восемь раз подряд. Машина не заводится.

– Отлично, – бормочет он.

– Как всегда, – замечает Ричи.

Мы с Одри для разнообразия молчим.

Потом Одри садится за руль, а мы втроем толкаем колымагу к моему дому, – он ближе всего.

А через пару дней я получу первое послание.

Вот оно-то все и изменит.

2 ♦. Почему секс не похож на математику, или Введение в жизнь Эда Кеннеди

Сейчас я расскажу, как живу.

Во-первых, мы пару раз в неделю играем в карты.

Собственно, вот и все. И зачем я сказал «во-первых»?

Играем в «надоеду» – потому что она несложная. Вообще-то мы любим поспорить, а тут у нас получается и партию закончить, и не поубивать друг друга. Тоже плюс.

Обычно собирается вот такая компания.

Марв. За игрой он беспрерывно болтает. Ума не приложу, как это у него получается с сигарой во рту. Следить, чтоб она не потухла, и одновременно наслаждаться вкусом – задача непосильная, но Марв выпендривается и делает вид, что млеет от удовольствия.

Потом, Ричи. Этот всегда молчит. Зато выставляет напоказ дурацкую татуировку на правой руке. Всю игру Ричи тихо посасывает пиво и ощупывает усы – тоже, по правде говоря, дурацкие, словно кто-то наклеил две темные полоски на лицо мальчишки. Хотя какой из Ричи мальчишка, но с другой стороны...

Еще Одри. Она всегда садится напротив меня, где бы мы ни играли. Одри... Светлые с желтизной волосы, длинные

худые ноги, улыбка – такая... знаете, кривая, но прекрасней ее нет на свете. Еще у нее красивые бедра. И фильмов она пересмотрела целую кучу. Что еще... Да, мы с Одри работаем в одном таксопарке.

Ну и последний участник, как вы догадались, – я.

Для начала мне хотелось бы ознакомить вас со следующими фактами.

1. В девятнадцать Боб Дилан уже был признанным музыкантом, и не где-нибудь, а в нью-йоркском Гринвич-Виллидж.

2. Сальвадор Дали к девятнадцати годам написал несколько потрясающих картин, перевернувших представления об искусстве того времени.

3. За Жанной д'Арк, когда ей исполнилось девятнадцать, уже охотилось полмира, – ибо Жанна д'Арк устроила во Франции революцию.

И вот перед вами – Эд Кеннеди. Тоже девятнадцати лет от роду.

Незадолго до того случая в банке я как раз подбивал промежуточные итоги своей жизни.

Как уже говорилось, я таксист. И то лишь потому, что подделал документы, – на эту работу до двадцати не берут.

Никакого карьерного роста.

Никакого социального веса и репутации.

Ничего.

А ведь кругом полно людей, которые чего-то – и даже не

чего-то, а немало уже добились в жизни! Слава, положение в обществе – у кучи народа все это есть! А я? А я подаю машину какому-нибудь лысеющему бизнесмену по имени, скажем, Дерек и внимательно слушаю, как он мне объясняет дорогу. Или пятничным вечером развожу в дымину пьяных клиентов, – они могут наблевать в салоне и смыться не заплатив. Приходится за ними приглядывать. Какие тут слава и положение в обществе... На самом деле это Одри предложила пойти в таксисты. Меня не пришлось долго убеждать, – я люблю Одри, уже много лет как люблю. Вот почему я никуда не уехал из пригорода. Не поступил в университет. Я пошел туда, куда и Одри.

И вот теперь я задаю себе строгий вопрос: «Ну, Эд Кеннеди, чего ты добился к девятнадцати годам?»

И честно отвечаю: «Ни фи-га».

Сомнениями своими я, конечно, поделился с друзьями. Но они хором велели заткнуться: хватит, мол, разводить философию. Марв сказал, что на чемпионате по нытью мне бы достались абсолютно все медали. Одри заметила, что у нормальных людей кризис среднего возраста наступает на двадцать лет позже. Я попытался обсудить это с Ричи, но он посмотрел на меня так, словно я говорил по-китайски. Круче же всех выступила моя мама. Она просто сказала: «Ну, ты поплачь мне тут, засранец». Вы еще успеете полюбить мою маму. У вас все впереди, обещаю.

Живу я в развалюхе, которую язык не поворачивается называть домом. Зато ее дешево сдают. Впрочем, я даже знаю кто, – проболтался парень из агентства недвижимости. Владелец сооружения, за которое я ежемесячно плачу аренду, – мой босс. Чтоб вы знали, он основатель и бессменный руководитель «Свободного такси», где я имею честь работать. Сказать по правде, фирма более чем сомнительная. Во всяком случае, нам с Одри не составило труда убедить работодателя, что нас все в порядке с возрастом и документами. Удивительно, как просто подделать водительские права и исправить две цифры в свидетельстве о рождении. Впрочем, подлинность наших бумаг в «Свободном такси» никто не проверял. Уже через неделю нас посадили за руль и пожелали счастливого пути, – в компании как раз не хватало водителей. Никаких рекомендательных писем и прочей респектабельной ерунды от нас не требовали. В общем, вы поняли. Обман и жульничество – вот два пути, которые ведут человека к процветанию. Во всяком случае, к получению работы. Как говаривал старина Раскольников, прославляя изворотливость: «Не рассудок, так бес!» В изворотливости я преуспел, это точно. Даже могу претендовать на титул самого юного таксиста в здешнем районе – вундеркинд за баранкой, местное чудо, приходите полюбоваться. Скажете, это фигня какая-то? Так вот, где у всех достижения, у меня сплошная фигня. Это базовая характеристика моей жизни. Одри, кстати, старше меня на пару месяцев.

Живу я довольно близко от центра, а поскольку такси нужно оставлять на служебной парковке, хожу на работу пешком. Хотя иногда Марв может подбросить. Своей машины у меня нет. Почему? Потому что целые дни, а случается, что и ночи мне приходится проводить за рулем. И успеваю так накататься, что в свободное от работы время не хочется крутить баранку.

Наш пригород ничего выдающегося собой не представляет. Начинается он там, где заканчиваются городские окраины, и в нем, как и везде, есть хорошие районы и плохие. Думаю, вас не удивит, что я из скверного квартала. Моя семья всегда жила там, и это наш общий скелет в шкафу, постыдная тайна. В районе наличествуют все признаки социального неблагополучия: беременные школьницы в большом количестве и безработные отцы-лоботрясы в изобилии. К таким папашам прилагаются мамыши вроде моей: они курят, пьют и зимой и летом ходят в одних и тех же уггах. Дом моего детства был сущей помойкой, и съехал я оттуда, лишь когда мой брат Томми окончил школу и поступил в университет. В принципе, я тоже смог бы, – если б не моя лень. В школе я зачитывался книгами, а нужно было учить математику и прочую фигню. Может, и стоило освоить какое-нибудь ремесло, но в округе никто этим не занимался, – да и ученик из меня вышел бы неважный, будем откровенны. В общем, лень не довела меня до добра, аттестат я получил паршивый, с хо-

рошими оценками только по английскому – все-таки много читал. Отец пропил все наши сбережения, и мне из школы была только одна дорога – работать. Свою трудовую биографию я начал в убогом фастфуде, который даже называть не хочу – до сих пор стыдно. Затем я перекладывал бумажки в какой-то пыльной бухгалтерии, но контора закрылась через пару недель после моего выхода на работу. И наконец – апофеоз и кульминация моей карьеры, самая удачная строка в моем резюме...

Водитель такси.

В своей хибарке я живу не один. У меня есть сосед. Зовут его Швейцар, ему семнадцать. Обычно он сидит у открытой двери перед сеткой от мух, и бьющее солнце золотит его черную шкуру. Это старый пес с умными, добрыми глазами. Еще Швейцар умеет улыбаться. Имя он получил как раз за то, что со щенячьего возраста повадился сидеть у входной двери. Из родительского дома я перевез его к себе – и Швейцар все также любит залечь у порога. Ему тепло и приятно, а что проход перегорожен, так это его не беспокоит. На самом деле он вечно лежит поперек дороги, потому что уже старый и еле ходит. Швейцар – помесь ротвейлера и немецкой овчарки, и очень-очень вонючий. Не знаю, почему от него так несет; чем только я его не мыл. Видимо, поэтому ко мне мало кто ходит. Только близкие друзья, с которыми я играю в карты, выдерживают эту газовую атаку. Остальные теряются

и сбегают, едва почуяв мою собачку. По правде говоря, ее вонюща слезы из глаз вышибает. Как только я не пытался избавиться от смрада. Даже убеждал Швейцара пользоваться шариковым дезодорантом, самым лучшим. Я ему под мышками натирал, то есть под лапами, несколько раз на дню – бесполезно. А однажды не выдержал и забрызгал с ног до головы спреем, о котором в рекламе по телику говорят, что он избавляет от неприятного запаха на двадцать четыре часа. Швейцар после этого смердел страшнее прежнего – ровно двадцать четыре часа, прямо как в рекламе.

Вообще, это пес моего отца. Но отец умер полгода назад, и мать тут же спихнула Швейцара на меня. Почему-то он с завидным упорством справлял нужду исключительно под бельевой веревкой на заднем дворе.

– Целый газон в его распоряжении! – говорила мама. – И где усаживается эта чертова псина? Прямо под бельем!

Я переехал и забрал Швейцара с собой.

Так мы с ним и живем.

Я в доме.

А он у двери.

Он счастлив.

И мне тоже приятно.

Он счастлив, – никто не мешает греться на солнышке у порога. Лучи пробиваются сквозь сетку, а он знай себе спит. Когда я закрываю на ночь дверь, он немного откатывается в сторону. И спит дальше. А я смотрю на него и понимаю,

что люблю эту псину. До слез люблю. Но вонища от нее идет страшная, это правда.

Честно говоря, я думаю, что Швейцар скоро умрет. К этой мысли можно привыкнуть: в конце концов, семнадцать лет – серьезный возраст для собаки. А вот как яотреагирую – не знаю. Наверное, Швейцар заснет и не проснется. Выскользнет из своего тела бесшумно и незаметно. А я встану на колени, уткнусь носом в вонючую теплую шкуру и расплачусь. Я буду плакать и плакать, ожидая – а вдруг проснется. Но он не проснется. Тогда я его похороню. Вынесу наружу, чувствуя, как остывает тело, и наблюдая, как горизонт на заднем дворе падает вниз. Впрочем, сейчас со Швейцаром все нормально. Я вижу, что поднимается и опадает его бок, он дышит. Просто воняет как покойник.

Еще у меня есть телевизор, который не всегда показывает, телефон, который почти никогда не звонит, и холодильник, который гудит как самолет.

На телевизоре стоит семейная фотография. Снимок сделан много лет назад.

Телевизор я почти не включаю, зато время от времени посматриваю на фотографию. Снимок приличный, правда запыленный. Время идет, что же вы хотите. На фото мать, отец, две сестры, я и младший брат. Кто-то улыбается, кто-то нет. Мне это нравится.

Итак, моя семья. Мама – из тех женщин, которых не так-

то просто обидеть, потому что они сами кого хочешь обидят. И словом, и топором. Кстати, о словах. Мама выражается не то чтобы очень цензурно. Впрочем, я еще успею об этом рассказать.

Теперь об отце. Он, как я уже говорил, умер. Полгода назад. Папа был тихим добрым пьяницей. Очень одиноким, хотя жил с нами. Я мог бы сказать, что отец запил из-за характера матери, не выдержал... Но на самом деле не могу найти ему оправданий. Они есть, но сам я в них не верю. Отец занимался доставкой мебели. Его нашли мертвым внутри фургона. Он сидел в старом шезлонге – спокойный и расслабленный. Полная машина мебели, а он даже не начал разгружаться, бездельник. Так все подумали. А у него просто отказала печень.

А вот мой младший брат Томми все в жизни делает как надо. Ну или почти все. Мы с ним погодки. Томми, кстати, учится в университете.

Сестер зовут Ли и Кэтрин.

Когда выяснилось, что Кэтрин беременна, – а ей было всего семнадцать, – я расплакался. Ну, чего вы хотите от двенадцатилетнего пацана. Вскоре Кэтрин уехала. Нет, ее не выгнали, ничего такого. Просто вышла замуж и переселилась. Такое в то время случалось нечасто.

А через год уехала Ли. Но с ней никаких проблем не было. Во всяком случае, уехала она не из-за беременности.

И только я остался жить в нашем пригороде. Другие пере-

ехали в город и хорошо устроились. Особенно неплохо дела идут у Томми. Он скоро получит диплом и станет юристом. Я желаю ему удачи. Нет, кроме шуток, правда.

Рядом с семейным снимком на телевизоре стоит другая фотография. На ней запечатлены Одри, Марв, Ричи и я. В прошлое Рождество мы поставили фотоаппарат Одри на таймер, отбежали, обнялись – и вуаля, памятное фото. У Марва во рту сигара, Ричи улыбается уголком рта, Одри хохочет. А я стою и таращусь на карты у себя в руке, пытаюсь понять, чем провинился перед Санта-Клаусом, ибо хуже расклада, чем в то Рождество, у меня не случалось.

Что еще?

Я готовлю себе еду.

А потом ее ем.

Запускаю стиральную машину.

Глажу, но редко.

Живу прошлым и верю, что Синди Кроуфорд все еще супермодель.

Вот такая у меня жизнь.

Вдобавок у меня темные волосы, легкий загар и карие глаза. С мускулатурой в общем-то все как у всех. Правда, сутулюсь. Руки держу в карманах. Ботинки разваливаются, но я их не выбрасываю, – нравятся они мне. Я их хожу и лелею.

Еще часто гуляю. Иногда бреду к реке – она протекает через весь пригород. Или отправляюсь на кладбище «увидеться» с отцом. Швейцар плетется следом, если не спит дома,

конечно.

Больше всего я люблю слоняться вот так: руки в карманах, Швейцар идет с одной стороны, а с другой – ну, это я уже фантазирую – Одри.

В своих мечтах я всегда вижу нас троих со спины.

Мы идем по улице. Закат угасает, становится темно.

Одри.

Швейцар.

Я.

Я держу Одри за руку.

В общем, потрясающих песен, как Боб Дилан, я не пишу, сюрреалистических картин не рисую, да и революцию под-нять у меня не получится, даже если захочется, – а все поче-му? Потому что, ко всему прочему, я еще и фитнесом не за-нимаюсь, и здоровый образ жизни не веду. Хотя меня нель-зя назвать толстым – скорее худым, даже тощим. Просто я слабый. Слабый. Во всех смыслах.

Но у меня есть счастливые моменты в жизни. Когда мы иг-раем в карты, к примеру. Или я кого-то высадил и еду обрат-но из центра или даже из северных районов. Боковое стекло опущено, ветер перебирает волосы, а я просто качу вперед, к горизонту, и улыбаюсь.

А потом въезжаю в наш пригород и паркуюсь на стоянке «Свободного такси».

Иногда я ненавижу звук захлопывающейся двери.

О том, что люблю Одри до безумия, я уже говорил.

А ведь Одри переспала со многими мужчинами. Но не со мной. Со мной – ни разу. Она всегда говорила, что слишком меня для этого любит и все такое. Ну а я, честно говоря, ни разу не пытался добиться от нее, ну, этого. Чтобы Одри стояла передо мной вся голая и дрожала. Мне очень страшно. Я же говорил: с сексом у меня совсем фигово. Была одна девушка, нет, даже две. И обе, прямо скажем, остались не в восторге от моих умений и навыков. Одна сказала, что я нескладеха. А другая так и вовсе начинала хохотать, стоило мне приступить ко всяким там ласкам. Короче, энтузиазма мне это не прибавило, и она меня вскоре бросила.

В принципе я считаю, что секс должен быть как школьная математика.

Ведь плохо соображать в математике – это нормально. Многие даже гордо заявляют об этом. Обычное дело вот так сказать: «Слушай, да, естествознание там или английский – еще ничего, а вот, блин, математика – это просто атас, я ни в зуб ногой». А все в ответ смеются и говорят: «Да, блин, это ты правильно сказал. Логарифмы там всякие. Блин, я в этом тоже жестко туплю».

Согласитесь, это правда.

Вот и про секс нужно говорить точно так же!

Нужно, чтобы любой мог гордо сказать: «Блин, оргазм? Да я вообще не знаю, что это такое. Остальное все нормально, но вот насчет этого я вообще ни в зуб ногой».

Однако же никто так не говорит почему-то.

Но почему?

А потому что нельзя.

В особенности мужчинам.

Мы, мужчины, считаем, что обязательно, просто обязательно должны быть секс-гигантами. Так вот, официально заявляю, что я – не он. Более того, как честный человек скажу, что и целуюсь совсем неважно. Одна девушка взялась обучить меня поцелуйному делу, но потом сдалась и плюнула. Все эти мудреные движения языком даются мне нелегко. И что теперь, убиться, что ли?

В конце концов, это всего лишь секс.

Ну, это я себе так говорю.

На самом деле я вру. Часто. И себе тоже.

А что касается Одри, то ведь это хорошо, что она дотронуться до меня не хочет, потому что слишком любит. Правда? Это же совершенно логично, разве нет?

А если ей грустно или депрессия одолевает, Одри всегда приходит ко мне. Я иногда предчувствую появление ее фигуры в окне. И тогда мы пьем дешевое пиво или вино и смотрим фильмы. Ну или делаем все три вещи разом. Обычно включаем что-то длинное и старое, вроде «Бен Гура» – чтобы на весь вечер хватило. Одри сидит рядом на диване, как всегда, в байковой рубашке и в обрезанных под шорты джинсах. А когда она засыпает, я приношу одеяло и накрываю ее.

Целую в щеку.

Глажу волосы.

Смотрю на нее и думаю: вот Одри, живет одна, прямо как я. У нее никогда не было настоящей семьи, и с мужчинами она занимается не любовью, а сексом. Потому что любви Одри избегает. Думаю, когда-то у нее была семья. Но из тех, где отношения типа «бьет, значит, любит». У нас в пригороде таких полно. Наверное, она их любила. А они ее в ответ мучили.

Вот почему Одри избегает любви.

Чьей бы то ни было.

И если ей так лучше, то мы же не будем бросать в нее камни?

Она засыпает в гостиной на диване, а я обо всем этом думаю. Каждый раз. Поправляю на ней одеяло, иду к себе в спальню и начинаю мечтать.

С открытыми глазами.

А ♦. Бубновый туз

В местных газетах действительно появились статьи об ограблении банка. И в каждой рассказывалось, как я вырвал пистолет из рук бандита. А перед этим догнал и чуть не повалил на землю. В общем, как всегда. Правда газетчиков, конечно, не устроила, и они навывдумывали всякой ерунды.

Я сижу на кухне и просматриваю статьи, а Швейцар глядит на меня как обычно – без всякой почтительности или там уважения. Ему пофиг, герой я или нет. Главное, чтобы кормили вовремя, а до остального нет никакого дела.

В гости зашла мама, я ей налил пива.

– Я горжусь тобой, сынок. Все дети у меня как дети, один ты неудачник, – откровенно заявила она. – А тут смотри-ка, теперь и за тебя не стыдно смотреть в глаза соседям, потому как у каждого из них на лице написано, что он читал сегодняшнюю газету. Дня два эта новость продержится на первой полосе, а потом ты опять превратишься в никчемного неудачника, но все равно неплохо.

Я представляю, как она разговаривает со знакомыми на улице. «Гляньте-ка, это мой сын. Я говорила, когда-нибудь даже из него выйдет толк!»

Еще ко мне зашел Марв – куда уж без него. И Ричи.

Даже Одри нанесла визит – с газетой под мышкой.

В статьях я фигурирую как Эд Кеннеди, двадцати лет от

роду, водитель такси. Про возраст я наврал каждой живой душе, бравшей у меня интервью. Единожды солгав, уже не можешь откреститься. Это прописная истина.

На фото я выгляжу так, словно меня пыльным мешком ударили. Зато снимок – во всю первую страницу. Ко мне даже с радио приезжали – интервью записывали. Я все сделал как положено: усадил корреспондента в гостиную, принес кофе. Одна промашка вышла – без молока. Ну не оказалось в доме молока. Парень с радио перехватил меня на пороге, когда я хотел идти в магазин.

Вторник проходит как обычно. Я возвращаюсь с работы и выгребая из ящика почту: счета за свет, газ, разные дурацкие предложения купить какую-то ерунду или завести еще одну кредитку. А еще – маленький конверт.

Конверт я бросаю на стол вместе с остальным ворохом бумаг и счастливо про него забываю. Мое имя выведено неразборчивыми каракулями – у кого такой почерк, интересно? Задаваясь этим вопросом, сооружаю свой обычный сэндвич со стейком и салатом. Иди, говорю себе, в гостиную и вскрой конверт. Но потом сажусь есть и опять забываю.

Короче, когда я добрался до письма, было уже порядком поздно.

И вот я беру его в руки.

И чувствую... что-то не так.

Нечто струится сквозь мои пальцы.

Я держу конверт, а потом вскрываю его.

Ночь прохладная, как всегда весной.

Меня пробирает дрожь.

Вздрагивая, я вижу собственное отражение в экране телевизора и в стекле семейной фотографии.

У открытой двери похрапывает Швейцар.

Сквозь сетчатую дверь проникает ночной ветерок.

Гудит холодильник.

На мгновение мир вокруг меня замирает, – природа и вещи наблюдают, как я извлекаю из конверта... что?

Старую игральную карту.

Бубновый туз.

В призрачно-приглушенном свете гостиной я стою с картой в руке. И стараюсь несильно сжимать пальцы – словно она может помяться или рассыпаться от неосторожного обращения. На карте накарябаны три адреса – тем же неразборчивым, как курица лапой, почерком. Я медленно и очень внимательно читаю написанное. Стылая жуть ползет вверх по пальцам. А потом проникает внутрь меня, поднимается к горлу и начинает глодать извилины.

На карте три строчки:

Эдгар-стрит, 45. Полночь

Харрисон-авеню, 15.6 утра

Македони-стрит, 6. 5.30 утра

Приподнимаю занавеску – есть кто на улице?

Пусто.

Чтобы выйти на крыльцо, нужно перешагнуть через Швейцара.

– Кто здесь? – спрашиваю я ночь.

Никто не откликается.

Ветерок начинает дуть в другую сторону, словно застеснявшись, что подглядел. Я стою на пороге. Один. Карта все еще у меня в руке. И я не знаю, кто там живет, по этим адресам. Улицы знаю, а дома – нет.

Удивительнее со мной еще ничего не приключалось, это точно.

«Ну и кто мог послать по почте такую вещь? – проносится в голове. – Что я сделал, чем провинился, как в моем почтовом ящике оказалась старая игральная карта с криво написанными чужими адресами?»

Возвращаюсь на кухню, сажусь за стол. Пытаюсь понять, что происходит и кто прислал обрывок плана моей судьбы – если у судьбы вообще есть на меня какие-то планы. Перед мысленным взором проплывают одно за другим знакомые лица.

«А может, это Одри? – спрашиваю я себя. – Марв? Ричи? Мама?»

Ничего не понимаю.

Внутренний голос подсказывает выбросить карту к чертовой матери – просто швырнуть в мусорный бак и забыть об инциденте. И в то же время одна эта мысль вызывает во мне

острое чувство вины.

«Не похоже, чтобы это была случайность», – думаю я.

Швейцар подходит и обнюхивает карту.

«Черт, – вздыхает он. – Я-то думал, пожрать принесли».

Обнюхав несъедобную штуку в последний раз, пес замирает: видимо, размышляет, что бы такого сделать дальше. И поступает как обычно: плетется обратно к двери. Выписывает полукруг и ложится. Устраивается поудобней в шубе из черной и золотой шерсти. Глаза Швейцара безмолвно светятся, но я чувствую их темную глубину. Пес потягивается на жестком старом ковролине.

И смотрит на меня.

А я на него.

– Ну? – спрашиваю. – Чего надо?

«Да ничего».

– Ну и все.

«Ну все так все».

На этом мы завершаем беседу.

А я так и стою с бубновым тузом в руке. И ничего, ничегошеньки не понимаю.

«Ты бы позвонил кому-нибудь, а вдруг?..» – говорю я себе.

Телефон опережает меня и звонит сам. Может, это ответ?

Если трубку прижать к уху сильно-сильно, становится больно. Но я терплю. Слушаю.

Это мамин голос.

– Эд?!

Его я узнаю из тысячи. К тому же она орет, всегда орет в трубку...

– Здравствуй, мамуля.

– Не мамулькой мне, говнюк!

Отличное начало разговора.

– Ты, случаем, ничего не забыл сегодня?

Я лихорадочно роюсь в памяти, но не обнаруживаю подходящих мыслей или воспоминаний. Только карта поворачивается в пальцах и так и эдак.

– Да вроде ничего, ма...

– Как это на тебя похоже! – Мама не просто в ярости, она в бешенстве. Выплевывает вопрос прямо мне в ухо, я почти глухну. – А кто должен был, мать твою, забрать сраный журнальный столик из мебельного магазина, а, засранец?

Очаровательно, правда?

Я уже предупреждал, что мама любит вернуть крепкое словцо. Предупреждал?

Ну так вот, она их не просто вворачивает. Она ими сыплет. Мама сквернословит без остановки, без паузы, без продыху – в любом настроении. Естественно, во всем виноваты мы – братец Томми и я. Мол, в детстве мы играли в футбол и ругались так, что листва облетала и птицы глухли.

– И что мне было делать? – пожимает плечами мама. – Отучить вас от брани я не смогла и потому решила расслабиться и получать удовольствие. Как говорится, с кем пове-

дешься...

В общем, если беседа обходится без «говнюков», «тупиц» и «засранцев» в мой адрес, это просто праздник какой-то. И дело даже не в словах, а в том, как она их произносит. Мама не выговаривает ругательства – она ими плюется и швыряет, точно гранаты.

Из трубки в меня до сих пор летит разнообразная лексика – правда, я не слушаю. А надо бы.

– ...И что, черт побери, я буду делать завтра? Вот придет мисс Фолкнер на чай, – я чашку на пол поставлю, мать твою за ногу?

– Мам, просто скажи, это моя вина.

– Да! Я так и скажу! – рывкает она. – Признаюсь, что мой сын – придурок! Он забыл заехать за журнальным столиком! Эд, ты придурок! Простую вещь сделать не можешь!

Эд, ты придурок.

Ненавижу.

– Ма, я все сделаю.

Но ее уже не остановить – и я опять отключаюсь. Смотрю на бубновый туз в руке. Он блестит.

Я трогаю его пальцем.

Щупаю поверхность.

И улыбаюсь.

Ему.

Бубновому тузу.

Потому что он – мой. Его прислали – мне. Не Эду-придур-

ку. А мне – настоящему Эду Кеннеди. Будущему Эду Кеннеди. Не таксисту-недотепе.

Что мне предстоит?

И кем я стану?

– Эд?

Я молчу – думаю.

– Эд?! – взрывается мама.

Я подпрыгиваю – и выпадаю из забытья.

– Ты меня слушаешь или нет?

– Д-да... Слушаю, конечно...

Эдгар-стрит, 45... Харрисон-авеню, 13... Македо-ни-стрит, 6...

– Извини меня, пожалуйста, – возвращаюсь я к беседе. – Забыл. Замотался и забыл совсем. Работы много, закрутился – извини. Завтра столик привезу, хорошо?

– Точно?

– Абсолютно.

– И не забудешь?

– Не забуду.

– Смотри мне. Тогда пока.

– Ой, стой! – торопливо несется мой голос по телефонным проводам. – Не вешай трубку, ма!..

Она нехотя откликается:

– Чего?..

Слова не идут с языка, но я должен, должен узнать. Про карту. Раз уж решил, что надо опросить каждого подозрева-

емого. Почему бы не начать с мамы?

– Чего тебе? – переспрашивает она чуть громче.

Мне удастся выдать из себя вопрос, хотя слова упирались до последнего и вставали во рту чуть ли не на распор.

– Ма, а ты мне сегодня по почте ничего не послала?

– В смысле?..

– Ну...

Действительно, в смысле...

– Ну, маленькое такое...

– Что маленькое, Эд? Я спешу вообще-то.

Ну ладно. Надо говорить как есть.

– Игральную карту, ма. Бубновый туз.

На том конце провода повисает тишина. Она думает.

– И? – спрашиваю я.

– Что – и?

– Это ты его послала?

И тут она взрывается. Рев еще не достиг моих ушей, но невидимая рука высовывается из трубки, хватая за горло и мерно, методично встряхивает.

– Нет! Нет! Не я! – звенит в ее голосе мстительная ярость. – На хрена мне посылать тебе по почте карту? Я должна была отправить напоминание... – Тут она срывается на крик. – Насчет чертова журнального столика!

– Ладно, ладно...

Странно, почему я так спокоен?

Может, это карта действует?

Не знаю...

Хотя... Нет. Знаю. Это не карта. Я всегда такой. Спокойный. И жалкий. Потому что трусливый. Нужно гавкнуть на старую стерву, велеть ей заткнуться, – но я не смогу. Никогда. В конце концов, нужно же ей на ком-нибудь отыгрываться. С братьями и сестрами мама так себя не ведет – о-о-о, как она их любит! Мама готова им ноги целовать при каждом визите, а ведь дети нечасто балуют ее посещениями. Но братцы-сестрицы приехали и уехали. А я тут, под рукой. Островок стабильности в маминой жизни – всегда есть кого обругать.

– Мам, я понял. Я понял, что это не ты, просто я немного растерялся, понимаешь, все-таки непривычно такие штуки...

– Эд? – перебивает она, до отказа наполнив голос скукой.

– Что, мам?

– Отвали.

– Хорошо, ма. До свиданья. В общем, я скоро...

– Все, пока.

Она вешает трубку. Разговор окончен.

Ну надо же – чертов журнальный столик!

А ведь я чувствовал, чувствовал, когда шел домой от стоянки «Свободного такси» – что-то такое важное забыл сделать. Теперь мисс Фолкнер придет к маме в гости и вместо героической повести об Эде, Победившем Зло в Банке, услышит историю Эда-Придурка, Который Забыл про Ма-

мин Журнальный Столик. Кстати, я не уверен, что этот предмет обстановки поместится в такси.

Так, пора заканчивать с этими мыслями. Они делу не помогут. Мне нужно сосредоточиться и подумать, почему карта вообще оказалась у меня. И откуда она взялась.

Я уверен: ее прислал кто-то из знакомых.

Кто-то, с кем я играю в карты. А с кем я играю? Правильно: с Марвом, Одри и Ричи.

Впрочем, Марва нужно исключить. Это точно не он. Воображения бы не хватило.

А кто? Ричи? Тоже вряд ли. На него не похоже, да и вообще...

Остается Одри.

«Конечно, это она», – говорю я себе.

Но как-то неуверенно говорю. Потому что нутром чувствую: нет. Это не мои друзья прислали туза.

И правда, что я в них уперся? Иногда мы играем в карты прямо на крыльце. Сотни людей проходят мимо и видят нас за этим занятием. К тому же время от времени мы принимаемся орать друг на друга, и тогда прохожие смеются и спрашивают, кто выиграл, кто проиграл, кто не согласен и ноет, – в общем, из-за чего сыр-бор?

Так что кто угодно мог прислать карту.

Ночью я не сплю.

Все думаю.

Наутро подымаюсь раньше обычного и обхожу пригород в компании Швейцара, со справочником наперевес – хочу посмотреть на дома по каждому адресу. Тот, что на Эдгар-стрит, оказывается на редкость убогим сооружением, приткнувшимся в самом конце улицы. Дом на Харрисон-стрит старенький, конечно, но вполне себе опрятный. Посреди газона клумба с розами, хотя трава вокруг вся усохла, причем давно. В поисках Македони-стрит справочник заводит меня в верхний район – тот, что на холмах. Богатый. Ну и дом соответствующий – двухэтажный, с забирающей в гору подъездной дорожкой.

По дороге на работу и на работе я продолжаю думать о карте.

А вечером осуществляю доставку маминого журнального столика и отправляюсь к Ричи играть в карты. Там-то я все и рассказываю.

– Она у тебя с собой? – спрашивает Одри.

Качаю головой – нет, мол.

Вчера перед сном я положил ее в верхний ящик комода. Он был пуст. Никаких посторонних предметов. Никаких запахов. Пустой ящик, и на дне – карта.

– Скажите мне правду. Это кто-то из вас? – не удержался я от вопроса.

– Ты меня, что ль, заподозрил? – искренне изумляется Марв. – Да ты что. Вы же знаете: у меня мозгов не хватит такое выдумать. – Он пожимает плечами. – К тому же у ме-

ня есть над чем голову поломать, Эд. Очень нужно о тебе думать, как же.

Понятно. Мистер Спорщик в своем репертуаре.

– Вот именно, – вступает в разговор Ричи. – Марв известный тупица, ему не додуматься.

Сделав это важное заявление, Ричи замолкает.

Мы все смотрим на него.

– Чего? – удивляется он.

– Так это ты, что ли? – вопрошает Одри.

– Ричи, я – ходячая лень. А он – тупица, – хмыкает Ричи и тычет большим пальцем в Марва. И, простирая к нам руки, говорит: – Посмотрите на меня – я же тунеядец на пособии. Вдобавок не вылезаю из букмекерской конторы. Я даже до сих пор с родителями живу!..

Тут я должен дать вам справочную информацию. На самом деле Ричи зовут совсем не Ричи. Его настоящее имя Дейв Санчес. А Ричи мы его прозвали из-за татуировки на правом плече: вроде как Джими Хендрикс, но этот Джими больше похож на Ричи, в смысле, на Ричарда Прайора. Все смеются и твердят, что нужно на левом плече сделать татуировку с Джином Уайлдером – имидж будет идеальным. А ведь и правда, отлично они на пару играли! Вы видели «Психов в тюрьге» и «Ничего не вижу, ничего не слышу»? Вот именно. Офигительный дуэт, чего там...

Правда, есть один нюанс. Ричи лучше не говорить про Джина Уайлдера. Не советую. У парня начинается натураль-

ный маниакальный психоз. А если Ричи еще и пьян – вообще труба.

Что я могу еще о нем рассказать? Кожа смуглая, усики никогда не сбривает. Волосы курчавые, цвета глины. Глаза черные, но добрые. Ричи никогда не учит никого жить – ну, и от окружающих ждет того же. Еще он ходит в одних и тех же линялых джинсах, хотя кто его знает, может, у него несколько пар одинаковых. Я как-то не подумал спросить.

Когда он подъезжает, слышно издали – у Ричи мотоцикл. «Кавасаки» или что-то вроде этого, черно-красный. Летом Ричи ездит без куртки, – а что, он с детства гонял на мотике. Так что обычно на нем футболка или «пожилая», немодная рубашка, они с отцом их по очереди носят.

В общем, мы сидим и все на него смотрим.

Он нервничает и вдруг поворачивается, – а мы за ним, как привязанные, – к Одри.

– Ладно, – начинает она речь в свою защиту. – Согласна, из всей компании я одна, пожалуй, способна на такую бредовую шутку...

– А почему сразу «бредовую»? – возмущаюсь я.

Карту почему-то хочется защищать, как самого себя.

– А можно я продолжу? – строго говорит Одри.

Я только киваю.

– Отлично. Так вот... о чем я... Короче, это не я. Но у меня есть версия. Кажется, я знаю, как и почему туз оказался у тебя в почтовом ящике.

Все молча ждут, пока она собирается с мыслями.

Наконец Одри говорит:

– Это все связано с ограблением. Кто-то прочитал статью в газете и решил: «Ага, вот подходящий парень. Вот кто нужен нашему городу!»

Она улыбается, но тут же хмурится:

– Эд, что-то произойдет в каждом из этих домов. А ты должен будешь... отреагировать.

Тут задумываюсь я. А потом решаюсь:

– Слушай, но вообще-то это ненормально...

– В смысле?

– Что значит «в смысле»? Ты не понимаешь, что ли? А если там люди каждый вечер кулаками друг друга метелят? Я должен пойти и разнять, так, по-твоему? Между прочим, здесь в половине домов граждане так «отдыхают»!

– Ну, Эд, тут уж как карта ляжет...

– Прекрасно, – бормочу я в ответ и вспоминаю сорок пятый дом по Эдгар-стрит.

Та еще задница, представляю, что там творится...

Весь остаток вечера в голову мне лезут мысли только о карте, и Марв выигрывает три раза подряд. И, понятное дело, дает волю злорадству.

Если честно, ненавижу, когда Марв выигрывает. Потому что он не просто злорадствует, а злорадствует мерзко, с ехидцей. Подленько так злорадствует и сигарой еще попыхивает.

Тьфу.

Кстати, Марв тоже живет с родителями. Много работает – плотничает на пару с отцом. Вот только ни цента не тратит, все в кубышку пихает. Взять хотя бы эти сигары – их он крадет у папаши. Марв – маэстро мелочности. Спец по сквалыжничеству, скупердяйству и скаредности. Профессионал прижимистости.

Что еще можно сказать о Марве? Волосы светлые, торчат вихрами. Ходит в старых брюках от костюма – говорит, удобные. Любит погреметь ключами в кармане. И выглядит так, словно тайком над кем-то насмехается. Мы выросли вместе, вот почему дружим. Вообще-то у Марва масса знакомых. Во-первых, он зимой играет в футбол и у него есть друзья из команды. Во-вторых и, на самом деле, в-главных, – Марв идиот. Вы замечали, что у идиотов всегда куча друзей?

Это я так, просто к слову пришлось.

Хотя какая мне польза от охаивания Марва? Никакой. Проблему с бубновым тузом это не решит.

В общем, увильнуть не получится. Как ни изворачивайся. Осознаю я это не сразу, но факт налицо.

Итак, вывод: «Пора браться за дело. Эдгар-стрит, 45. Полночь».

Среда, поздний вечер.

Я сижу на пороге дома, рядом Швейцар, луна положила

голову мне на плечо.

Подходит Одри, и я говорю, что завтра ночью берусь за дело.

Но это неправда.

Правда в том, что я смотрю на нее и хочу пойти с ней в дом, уложить на диван и заняться любовью.

Нырять в нее.

Овладевать телом.

Создавать друг друга заново.

Однако ничего не происходит.

Мы сидим и пьем дешевое игристое вино с фруктовым вкусом, которое принесла Одри, – в самый раз для нашего пригорода. Ступней я ерошу шерсть Швейцара.

У Одри длинные худые ноги, они мне очень нравятся. Я посвящаю некоторое время их созерцанию.

Она смотрит на луну, та уже забралась в небо и больше не прикладывается щекой к моему плечу. Там, наверху, хоть и высоко, но луна держится.

А я смотрю на карту в руке. Читаю написанное и морально готовлюсь.

«А кто его знает, – говорю я себе. – Может, когда-нибудь люди скажут: да, в свои девятнадцать Дилан превратился в звезду. В Дали вот-вот должны были разглядеть гения. Жанну д'Арк сожгли на костре за героическое сопротивление захватчикам. А Эд Кеннеди, тоже в девятнадцать, нашел в почтовом ящике свою первую карту».

Помечтав, смотрю на Одри, на раскаленную добела луну, на Швейцара. И думаю: «Хватит обманывать себя, парень».

4 ♦. Судья и зеркало

А на следующий день – милый подарок судьбы! Чудненькая повесточка в суд. Нужно явиться и изложить свою версию событий в банке. Я не ожидал от них такой прыти, по правде говоря.

Явка назначена на половину третьего. Придется выгадывать время в середине смены и ехать обратно в пригород – суд-то местный.

И вот наступает день заседания. Одетый как обычно, я прибываю в суд, но меня просят подождать перед закрытыми дверями. Наконец они распахиваются, и храм правосудия предстает моему взору. Первый человек, который попадает на глаза, – грабитель. Без маски он даже страшнее. К тому же смотрит волком. Неделя в тюрьме не способствует хорошему настроению. И он больше не выглядит несчастным, загнанным неудачником.

А еще на нем костюм.

Дешевый – сразу видно.

Я тут же отвожу глаза, потому что, завидев меня, грабитель пытается изрешетить меня взглядом, как пулями.

«Поздновато, дружок», – думаю я.

Он сидит внизу, а я наверху, в кабинке свидетеля, – ему до меня не добраться.

Судья приветствует меня:

– Что ж, мистер Кеннеди, я смотрю, вы приоделись ради такого случая.

Осмотрев себя, я выдаю:

– Спасибо, сэр.

– Вообще-то я иронизировал.

– А я понял.

– Решили поумничать, мистер Кеннеди?

– Никак нет, сэр.

Он бы с удовольствием отправил меня на скамью подсудимых, если б мог.

Адвокаты задают мне вопросы, а я на них честно отвечаю.

– Вы положительно уверены, что именно этот человек грабил банк? – спрашивают они.

– Да.

– Абсолютно уверены?

– Абсолютно.

– Но, мистер Кеннеди, как это возможно?

– А что тут невозможного? Я этого урода из тысячи узнаю!

К тому же я прекрасно помню, что именно этого парня уводили в наручниках.

Адвокат обдаёт меня презрением и цедит:

– Мистер Кеннеди, это процедурные вопросы. Мы не можем их избежать.

– Понятно, – киваю я.

– Что до «урода», мистер Кеннеди, прошу вас в дальнейшем воздерживаться от клеветнических утверждений. У вас, знаете ли, тоже лицо не с картины мастеров эпохи Возрождения, – решает вставить веское слово судья.

– Большое спасибо, сэр.

– Пожалуйста. – Он одаривает меня улыбкой. – Можете продолжить отвечать на вопросы.

– Да, ваша честь.

– Благодарю.

Исполнив миссию, я иду к выходу, мимо скамьи, на которой сидит грабитель.

– Слышь, Кеннеди?

«Не смотри на него», – прошу себя, но все равно поворачиваю голову. Адвокат шипит на своего подопечного – мол, закрой рот и все такое. Но парня уже не остановить.

– Ты – покойник. Я за тобой приду, слышишь, Кеннеди? – произносит грабитель очень спокойно.

Его слова должны убить меня, но не могут.

– Вспоминай об этом, Кеннеди. Вспоминай каждый день, когда смотришься в зеркало. – Его губы изгибаются в подобию улыбки. – Ты – покойник. Понял?

Я изо всех сил изображаю хладнокровие.

– Да-да-да, – роняю я и небрежно киваю.

И иду себе дальше.

«Господи, – молюсь я про себя, – дай ему жизнь»¹.

Двери зала заседаний захлопываются, и я шагаю по вестибюлю. Из-за солнца жарко, как в печке.

Женщина в полицейской форме окликает меня:

– Эд, ничего страшного. Не волнуйся.

Легко ей говорить...

– Да? А я тут думаю, не свалить ли из города, – честно отвечаю я.

– Послушай, – говорит она.

Кстати, приятная женщина: невысокая, коренастая и голос добрый.

– Уверю тебя, когда этот парень выйдет, он будет держаться от тебя подальше, чтобы не загреметь в тюрьму снова. – В ее словах чувствуются уверенность и знание дела. – Некоторые в тюрьме ожесточаются, что есть, то есть. Но он, – кивает женщина в сторону закрытых дверей, – не из их числа, поверь мне. Он все утро проплакал. Не думаю, что тебе грозит опасность.

– Спасибо, – отвечаю я.

После разговора с ней в душе появляется надежда. Но я не знаю, сколько она там продержится.

«Ты – покойник», – звучит голос у меня в голове. В зеркале заднего вида отражается мое лицо, и на нем написаны

¹ Цитата из Нового Завета, 1 Иоанна, 5:16. (Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)

эти слова.

А я думаю о своей жизни. О воображаемых свершениях. О дипломированной квалификации неудачника. «Провалю любое дело недорого» – вот мое резюме.

«Покойник, – думаю я. – Ну что ж, он недалек от истины».

Я трогаюсь и выруливаю с парковки.

5 ♦. Размышления о наблюдаемом насилии

Шесть месяцев.

Подумать только, ему дали всего шесть месяцев. Снисходительность, типичная для нашего времени.

Я не стал никому говорить об угрозе: в конце концов, леди из полиции дала мне хороший совет. Нужно забыть об этом. На самом деле я жалею, что заметка в газете попалась мне на глаза, – так бы и дальше не знал, какой срок ему дали. Ладно, хорошо еще, что в досрочно-условном освобождении отказано.

И вот я сижу на кухне в компании Швейцара. Передо мной бубновый туз. Свернутая газета лежит на столе. На странице трогательная детская фотография грабителя. Мне видны только глаза.

Проходят дни, и становится легче. Я забываю об инциденте.

«Ну в самом-то деле, – думаю я, – что может мне сделать этот придурок?»

Лучше заняться чем-то более насущным. И я постепенно собираюсь с духом, чтобы пойти по первому адресу.

Эдгар-стрит, 45.

Первую попытку я предпринимаю в понедельник. Но мне

не хватает храбрости.

Вторник – вторая попытка. Опять не получается выйти из дома. Читаю какую-то ужасную книгу, тщетно пытаюсь найти себе оправдание.

В среду наконец-то выбираюсь на улицу и через весь город иду туда.

На Эдгар-стрит я оказываюсь ближе к полуночи. Темно, уличные фонари разбиты. Только один выжил и слабо подмигивает. В лампочке конвульсивно подергивается свет.

Квартал мне хорошо знаком, Марв сюда часто приезжал одно время.

У него была девушка, она жила тут неподалеку, на такой же загвазданной трущобной улице. Звали ее Сюзанна Бойд, они с Марвом еще со школы встречались. А потом ее семья вдруг собрала вещи и переехала непонятно куда. Сердце Марва было разбито. Кстати, убогий рыдван покупался с целью свалить из пригорода и найти девушку. Но Марв так никуда и не свалил. Мир оказался слишком большим, и Марв сдался. Так мне кажется. С тех пор он и стал таким сквалыгой и спорщиком. Похоже, он разочаровался в людях и решил думать только о себе. Может быть. А может, и нет. Вообще-то, я стараюсь не думать много о Марве. Такая у меня жизненная позиция.

Все это держится у меня в голове, пока я иду. А потом исчезает.

Вот и конец улицы. Я у цели. Если пройти мимо сорок пя-

того дома, можно устроиться в укромном местечке на противоположной стороне: три высоких дерева стоят очень плотно. Под ними-то я и сажусь на корточки. И жду. В доме не горит свет, на улице тихо. Краска отслаивается от стен, торчит проржавевший водосток. В сетке от мух на двери зияют дырки. Меня едят комары.

«Скорей бы уже что-то произошло», – думаю я.

Проходит полчаса, я задремываю. И тут мое сердце начинает биться, раскачивая под ногами землю. Вот оно!

Через улицу к дому идет, спотыкаясь, мужчина.

Здоровенный такой.

И пьяный.

Меня он не видит, слишком занят. Вздвигается вверх по ступенькам крыльца. К тому же не сразу попадает ключом в замочную скважину.

Прихожая взрывается светом.

С грохотом захлопывается дверь.

– Ты спишь, что ли? – бурчит он. – А ну быстро подошла, сука!

Колотящееся сердце не дает мне дышать. Оно лезет вверх, в горло, и я почти ощущаю его вкус. Сердце вот-вот выпрыгнет и забьется на языке. Меня колотит, я пытаюсь взять себя в руки, но дрожь только усиливается.

Луна выбегает из-за облаков, и неожиданно я чувствую себя голым. словно все меня могут увидеть, стоит лишь посмотреть в мою сторону. Окоченевшая улица тиха, слышен

только раскатистый голос гигантского мужика, который «ворочается» в собственном доме и рычит на жену.

В окне спальни загорается слабый свет.

Сквозь листву я вижу тени.

Женщина в ночной рубашке стоит перед мужчиной. Тот срывает с нее легкую ткань.

– А я думал, ты меняжде-е-е-ешь... – бормочет он, сжимая ее плечи.

Страх держит меня за горло. Я вижу, как мужчина бросает женщину на кровать, расстегивает ремень и брюки.

Наваливается на нее.

Входит.

И занимается с ней сексом – так, что кровать ревет от боли. Матрас скрипит и поскуливает, и только я слышу все это. Боже, как громко...

«Неужели никто не слышит?» – спрашиваю я себя.

Спрашиваю и спрашиваю, много раз.

«Не слышит, потому что всем наплевать», – отвечаю я себе в конце концов. И понимаю, что прав. Я избран.

«Но для чего?» – спрашиваю себя.

Ответ прост: «Чтобы помочь».

На пороге дома появляется маленькая девочка.

Она плачет.

Я смотрю на нее.

В спальне горит свет, никаких звуков уже не слышно.

Проходит несколько минут. Затем все начинается сначала. Боже, сколько же раз за ночь он способен сделать это, рекордсмен, не иначе. Матрас скрипит и скрипит, а девочка на пороге плачет.

Ей лет восемь.

Когда все наконец заканчивается, девочка встает и уходит в дом. Я очень надеюсь, что такое случается не каждую ночь.

«Это физически просто невозможно», – говорю я себе.

На порог выходит женщина и садится на место дочки.

На ней снова ночная рубашка. Ткань порвана, руки обхватили голову так, будто она не держится. В лунном свете четко вырисовывается одна грудь. Я хорошо вижу сосок, он уныло смотрит вниз, ему больно. В какой-то момент женщина вытягивает ладони ковшиком. Словно держит в них сердце. Сквозь пальцы капает кровь.

Я вскочил на ноги и лишь чудом удержался, чтобы не по-дойти.

«Ты знаешь, что делать».

Это прошептал голос в моей голове. Он же и остановил. Потому что я должен действовать иначе. Я здесь не для того, чтобы утешить эту женщину. До второго пришествия могу ее успокаивать, но это ничего не изменит. И не прекратит того, что творит здесь этот тип по ночам.

Им я должен заняться.

С ним встать лицом к лицу.

А женщина все плачет и плачет. Я очень хочу подойти. Но не могу. Я хочу спасти ее, обнять, защитить. Если бы я мог...

«Как люди могут так жить? – вопрошаю я. – Как они выживают, когда с ними поступают вот так?»

А может, я здесь именно поэтому?

Потому что они больше так не могут?

6 ♦. На пределе

За рулем я думаю: «Интересно, со вторым адресом – такой же мрак? По первому было изнасилование, что будет по второму? Еще страшнее?» Ко всему прочему насильник, с которым я должен разобраться, больше меня раза в три или четыре. Помесь атлета с машиной, я таких в жизни не видел...

Об увиденном ночью никому не рассказываю. Ни друзьям, ни властям. Нужно что-то другое, на что даже полиция не способна. К сожалению, сделать это должен именно я.

Одри пытается меня расспрашивать за обедом. Но я отвечаю: «Меньше знаешь, крепче спишь».

Тогда она смотрит так, как я больше всего люблю, – взволнованно.

– Ты, пожалуйста, будь поосторожней, – говорит она.

Я киваю, и мы снова идем к машинам.

Весь день я только об этом и думаю. И даже боюсь представить, что меня ждет по двум другим адресам. Хотя внутренний голос нашептывает, что хуже ничего быть не может.

На Эдгар-стрит я хожу каждую ночь, убывающая луна плывет в небе. Иногда ничего не происходит. Он приходит домой и не насиловает женщину. В такие ночи тишина на улице разбухает от ожидания чего-то страшного. Я жду в скользком мраке.

Однажды вечером, в супермаркете, случается нечто

неприятное. Я иду вдоль полок, в секции собачьей еды, а мимо катит тележку молодая женщина. В тележке сидит маленькая девочка.

– Анжелина, – говорит женщина, – не трогай ничего.

Мягкий голос невозможно не узнать. Именно он зовет на помощь в ночи, когда пьяный похотливый мужик валит на кровать женщину и насилует ее в свое удовольствие. Это голос той, которая тихо плачет на крыльце в молчащей, отвернувшейся от нее темноте.

На какую-то долю секунды наши с девочкой взгляды пересекаются.

У нее светлые волосы и зеленые глаза. И вообще она очень красивая. Вся в мать, только у женщины лицо измученное.

Некоторое время я иду за ними. Женщина тянется к полке с готовыми супами. И я вижу – все, она на пределе. Стоит внаклонку, пытается не упасть на колени и не разрыдаться. Но ей нельзя рыдать и падать на колени: ребенок смотрит.

Женщина распрямляется, и я подхожу поближе.

В общем, я подхожу, мы смотрим друг на друга.

– С вами все в порядке? – спрашиваю я.

– Да-да, все в порядке, – кивает она, отделяваясь вежливой ложью.

Мне нужно с этим как-то разобраться. И быстро.

7 ♦. Харрисон-авеню

Дочитав до этого места, вы, пожалуй, угадаете, как я решил разрулить ситуацию на Эдгар-стрит. По крайней мере, это легко тем, кто похож на меня.

Трусливым.

Мягкотелым.

Слабосильным.

Естественно, в своей неизреченной мудрости я избрал путь пассивного ожидания. Мало ли, вдруг само собой расосется.

Конечно, я понимаю, насколько жалок. Мое решение – чистейший образчик беспомощности и трусости. Но я элементарно не готов заниматься проблемой Эдгарстрит. Мне нужно набраться опыта. Справиться, победить в другом деле. А потом уже приниматься за укрощение насильника с телосложением Тайсона.

Я вынимаю карту из ящика комода и смотрю на нее. Мы со Швейцаром пьем кофе. Вчера вечером я ему налил «Нескафе» хорошей марки – «Бленд 43» – и он был в полном восторге.

Поначалу не хотел даже притрагиваться к жидкости в миске.

Посмотрел на меня. Потом в миску.

Снова на меня. Опять в миску.

Бедная псина переглядывалась с кофе минут пять, пока до меня не дошло: Швейцар видел, что я положил себе в кружку сахар. И ждет того же. Согласитесь, пять минут, чтобы осознать очевидное, – не так уж долго. На кружке, кстати, написано: «Неправда, что мы, таксисты, самые главные уроды на дорогах. Есть уроды и поглавнее нас». Понимаете? Короче, Швейцар с хлюпаньем заглотил первую порцию сладкого кофе, а потом сопел и лакал, пока не вылебал целую миску. А когда управился, поднял морду и посмотрел на меня, требуя добавки.

Вот так мы вдвоем и заседаем в гостиной. Швейцар поглощает кофе, а я таращусь на карту у себя в руке. Следующий адрес – Харрисон-авеню, 13. Ну что ж, надо идти. Завтра. Ровно в шесть вечера.

– Что скажешь, Швейцар? – спрашиваю я. – Как считаешь, будет полегче, чем на Эдгар-стрит?

Пес поднимает морду и скалится в улыбке – явно под кайфом от мощной дозы кофеина.

– ...Я стучал! – упирается в Ричи палец Марш. Я стучал, а если кто не заметил, так это не мои проблемы!

– Он стучал? – спрашивает меня Ричи.

– Не припоминаю такого.

– Одри?

Подумав мгновение, она отрицательно качает головой. Марв картинно разводит руками, – теперь ему нужно взять

четыре карты. Таковы правила «надоеды». Когда остается две карты, нужно постучать. Забыл, сдал предпоследнюю карту, – берешь четыре. Марв постоянно забывает про стук.

С кислой миной он набирает четыре карты, а сам давится от смеха. Конечно, он не стучал, но нельзя же сдаваться без боя. Это тоже часть игры – все привыкли.

Мы играем в доме Одри, на балконе. Темно. Лишь в небе скрещиваются лучи от прожекторов, и прохожие то и дело смотрят вверх. Одри живет на соседней улице, практически за углом от меня. Ее дом не ахти, конечно, но вполне себе ничего.

Идет первый час игры. Я смотрю на Одри и убеждаюсь: да, я ее люблю. Но любовь моя какого-то нервного свойства. Нервного, потому что я слабо представляю себе, что делать. Какие слова говорить. Вот, к примеру, как ей сказать, что я ее безумно хочу? Как она это воспримет? Иногда кажется, Одри во мне разочаровалась. Ведь я мог бы поступить в университет, а стал простым таксистом. Черт побери, а я ведь читал «Улисса»! И Шекспира – не всего, конечно, но половину собрания сочинений точно! И что? А ничего. Безнадежный, бесполезный, не имеющий цели в жизни неудачник. Я вижу: она даже не думает встречаться со мной. Хотя с другими Одри постоянно заводит отношения, а эти другие ничем не лучше меня. Иногда просто тошнит от таких мыслей. Но они все равно лезут в голову. И я думаю о том, чем Одри с другими занимается. И о том, что я ей якобы слыш-

ком нравлюсь и такую дружбу не стоит портить постелью.

Впрочем, зачем я себя обманываю?

Я же знаю: от Одри мне нужен не просто секс.

Я хочу слиться с ней, стать единым целым. Хотя бы на мгновение. Мне будет достаточно и мгновения.

Она выигрывает партию и улыбается мне. А я улыбаюсь ей.

«Подари мне близость», – умоляет все мое существо. Но ничего, конечно, не происходит.

– Так что там с этой странной картой? – спрашивает Марв после игры.

– Чего?

– А то ты, черт побери, не знаешь, чего. – И Марв строго наводит на меня кончик сигары.

Сибарит с недельной щетиной, тоже мне.

– А, это. Я ее выкинул, – отвечаю я.

Все прислушиваются к моему вранью.

– А, – кивает Марв одобрительно. – Правильно, ну ее на хрен, эту карту.

– Угу, – соглашаюсь я. – На хрен.

Конец обсуждению, точка, абзац.

Одри смотрит на меня с веселой ухмылкой.

Мы продолжаем играть, а я вспоминаю, что произошло на Харрисон-авеню, в доме номер 13.

По правде говоря, я испытал большое облегчение после визита – как раз потому, что там ничего не произошло. Оказалось, в доме живет безобидная старушка. На окнах не было занавесок, и я хорошо видел, что она делает: готовит ужин, а потом неторопливо съедает. Пьет чай. По-моему, старушка ужинала салатом и каким-то супом.

И одиночеством.

Да, вот такие салат, суп и чай с одиночеством.

Мне старушка понравилась.

Машину я запарковал на противоположной стороне улицы и понаблюдал, не выходя наружу. Было жарко. Хорошо, в салоне нашлась когда-то не допитая бутылка воды. Хотелось верить, что у пожилой леди все в порядке. Такая милая, добрая. У нее еще чайник смешной, старомодный – из тех, что свистят, когда закипают. Она к нему подошла, сняла с плиты: слышу, мол, слышу, не волнуйся. Наверняка так и говорила. Словно утешала плачущего ребенка.

А еще я расстроился. Человеческое существо не должно быть настолько одиноко. Чтобы из всех друзей – лишь чайник со свистком. И никакой компании за ужином.

Честно говоря, у меня самого ситуация немногим лучше.

А что? Кто мне составляет компанию за обедами и ужинами? Правильно, старый пес, которому уже семнадцать лет. Мы с ним пьем кофе. Да ладно, скажете вы, живете душа в душу, ни дать ни взять пожилые любящие супруги. Но все же, но все же...

В общем, престарелая леди что-то сделала с моим сердцем.

Словно, пока она наливала чай в чашку, нечто попало внутрь меня. Я сидел, весь потный и несчастный, в своем такси и смотрел, а она потянула за невидимую нить и что-то во мне приоткрыла. Осторожно вошла, оставила часть себя и тихо вышла наружу.

Я это чувствую – где-то глубоко внутри.

И вот я играю в карты, и милая старая леди отражается в поверхности стола. Никто не видит, только я, как дрожащими руками она подносит ложку ко рту. Мне очень хочется, чтобы она рассмеялась или улыбнулась – подала хоть какой-нибудь знак, показала, что все в порядке. И тут до меня доходит: Эд Кеннеди, ты должен пойти туда. И узнать это лично.

– Эд, давай.

Мой ход.

В руках две карты, надо бы постучать.

Тройка трэф и девятка пик.

Но я не буду стучать по столу. Не хочу выигрывать. Я решил взять еще карт. Похоже, я понял, что должен сделать для пожилой леди. И загадываю так.

Если возьму карты и попадетсЯ бубновый туз – я все правильно придумал.

Не попадетсЯ – неправильно.

Так что я как бы забываю постучать и под общий смех беру еще четыре карты.

Первая. Дама треф.

Вторая. Четверка червей.

Третья карта...

Ага.

Угадал.

Все, наверное, смотрят и удивляются, с чего бы это мне улыбаться. Все, кроме Одри. Она мне подмигивает. Ей ничего не нужно объяснять, она и без слов понимает, что я все сделал специально. В руке у меня бубновый туз.

Ф-фух. Это гораздо лучше, чем Эдгар-стрит.

И я очень-очень доволен.

Наступает вторник. На мне белые джинсы и выходные – песочного цвета – ботинки. Из шкафа я извлекаю приличную рубашку. По пути захожу в кондитерскую, и меня обслуживает девушка по имени Миша.

– Ой, а мы нигде не встречались? – спрашивает она.

– Вполне возможно. Только я...

– Вспомнила! Конечно! Вы тот самый парень из банка!

Герой!

«Угу, – думаю я про себя. – Герой. С дырой». Но вслух сообщаю:

– Ах да... Припоминаю! Вы – та самая операциониста!

Что, теперь здесь работаете?

– Ага, – кивает она и добавляет, несколько смутившись, – в банке стало как-то совсем неприятно...

– Бойтесь нового ограбления?

– Нет, что вы. Я ушла из-за начальника. Такой придурок был...

– Это который прыщавый и с мокрыми подмышками?

– Да-да-да. Представляете, он мне язык в рот попытался засунуть. Видимо, думал, что целуется.

– Ухты, – понимающе киваю я. – Ну, добро пожаловать в мир мужчин. Мы все одинаковые – в какой-то степени. Влечение и все такое...

– Что верно, то верно, – философски замечает она.

Миша обслужила меня очень любезно, а когда я выходил из кондитерской, крикнула вдогонку:

– Желаю приятно провести вечер, Эд!

– Спасибо, Миша! – отозвался я, но, похоже, недостаточно громко.

Мне не нравится кричать в общественных местах.

В общем, так я и ушел.

Обо всем этом я думаю, пока готовлюсь к визиту. Заглядываю в коробку и осматриваю шоколадный торт – все в порядке. Девушку жалко: этот придурок к ней грязно приставал, ему ничего за это не сделали, а ей пришлось уйти. Вот засранец. Только подумайте, язык в рот девушке засунул. Да я бы со страху помер при одной мысли об этом. А у меня, между прочим, в отличие от кое-кого, нет прыщей. И с под-

мышками все в порядке. Короче, надо просто верить в себя. Вот и все.

Так, ладно.

Торт подвергается последнему, самому придирчивому осмотру. Потом я оглядываю себя: вроде все хорошо. Пахну одеколоном, одежда приличная. Пора.

Я переступаю через Швейцара и закрываю за собой дверь. На небе сероватая дымка, на улице прохладно. Ровно в шесть я стою перед нужным домом на Харрисон-авеню. Пожилая дама, как всегда в это время, снимает с огня чайник.

Трава перед домом высохла.

Она хрустит под ногами – словно кто-то жует гренку. Ботинки оставляют на земле заметные следы, и действительно кажется, что под ногами огромный кусок жареного хлеба. Одни розы живы и держатся. Они бодро торчат из клумбы рядом с подъездной дорожкой.

Крыльцо бетонное. Старое и растресканное, прямо как в моем доме.

Сетка от мух порвана на углах и в нескольких местах отходит от рамы. Я ее открываю и стучу в деревянную дверь. В такт с ударами моего сердца.

Слышны приближающиеся шаги. Похоже на тиканье часов, которые отсчитывают время до часа икс. Этого часа.

И вот пожилая дама передо мной.

Она смотрит вверх, мне в лицо, и на несколько мгновений мы оба увязаем во взаимной тишине. Сначала пожилая ле-

ди не может понять, кто я такой, но замешательство длится лишь долю секунды. Затем лицо ее озаряется, как вспышкой, моментальным узнаванием, – и она улыбается. Улыбается с невероятной теплотой.

– Джимми! Я знала, что ты придешь! – говорит она.

Отступив на шаг, она снова смотрит на меня. В уголке глаза набухает слезинка. Находит подходящую для путешествия морщинку и катится вниз.

– Ох, – качает головой пожилая леди. – Я тебе так благодарна, Джимми. Я знала. Всегда знала, что ты придешь.

Она берет меня за руку и ведет в дом.

– Проходи, – говорит она.

И я иду.

– Ты останешься на ужин, Джимми?

– Если это не причинит каких-либо неудобств... – отвечаю я.

Она тихо усмехается:

– Какие могут быть неудобства. – И отмахивается. – До чего же ты странный малый, Джимми...

«Во, точно про меня. Странный малый...»

– Конечно, это не причинит никаких неудобств, – продолжает она. – Мы посидим и поговорим о старых добрых временах. Чудесно, не правда ли?

– Конечно...

Она забирает у меня коробку с тортом и несет ее на кухню.

Я слышу, как она несколько бестолково там копошится, и громко спрашиваю, не нужна ли помощь. Она откликается: все, мол, в порядке, не волнуйся, почувствуй себя как дома.

Окна столовой и кухни выходят на улицу, и, сидя за столом, я наблюдаю за прохожими. Люди идут мимо, кто быстрее, кто медленнее. Кто-то останавливается, чтобы подождать собаку, потом снова шагает вперед. На столе лежит пенсионное удостоверение на имя Миллы Джонсон. Ей семьдесят два.

Из кухни она несет ужин – такой же, как в прошлый раз. Салат, суп, чай.

Пока мы едим, она рассказывает о своих каждодневных передвижениях.

Пять минут посвящаются разговору с мясником Сидом. Нет-нет, мясо она не покупает. Просто болтает о том о сем, смеется над его шутками. Шутки, кстати, не очень-то смешные.

В пять минут двенадцатого она обедает.

Потом сидит в парке, смотрит, как играют дети, а скейтбордисты выделывают фигуры и кульбиты на своей площадке.

Вечером она пьет кофе.

В пять тридцать начинается «Колесо фортуны», она его смотрит.

В шесть ужин.

В девять ложится спать.

А потом Милла задает мне вопрос.

Мы уже помыли посуду, и я снова сижу за столом. Она выходит из кухни, садится в кресло, заметно нервничая.

И протягивает ко мне трясущиеся руки.

Мои руки протягиваются в ответ, а ее умоляющие глаза пристально смотрят в мои.

– Пожалуйста, Джимми, ответь мне, – тихо произносит она, и ее руки дрожат чуть сильнее. – Где же ты был все это время?

В тихом мягком голосе звучит боль:

– Где же ты пропадал?

Что-то застряло у меня в горле. Я понимаю, это слова.

И не сразу опознаю их. Но когда смысл становится понятен, отвечаю:

– Я искал тебя, Милла.

Слова выходят из меня сами собой, будто я всегда знал ответ на этот вопрос.

Моя уверенность передается ей, и она кивает:

– Так я и думала. – Она прижимает мои руки к лицу и целует пальцы: – Ты всегда находил для меня нужные слова, правда, Джимми?

– Да, Милла, – отвечаю я. – Всегда.

Через некоторое время она говорит, что ей пора ложиться спать. Я уверен: про шоколадный торт Милла сегодня не вспомнит. А мне так хочется попробовать – хотя бы кусо-

чек. Но уже почти девять, и, похоже, я не получу ни крошки этого замечательного кондитерского изделия. Мне, конечно, очень стыдно за такие мысли. Ну что ты за человек, Эд Кеннеди, строго пеняю я себе. Такой трогательный момент, а тебе лишь бы тортом обожраться.

Без пяти девять она подходит ко мне:

– Как ты думаешь, Джимми, не пора ли мне ложиться спать?

– Да, Милла, – мягко отвечаю я. – Конечно, пора.

Мы идем к двери. Я целую ее в щеку и говорю:

– Спасибо за ужин.

И выхожу на крыльцо.

– Пожалуйста, Джимми. Ты еще придешь?

– Обязательно, – оборачиваюсь и отвечаю я. – Тебе не придется долго ждать.

Итак, в этот раз моя миссия посланца – разделить одиночество пожилой леди. Оно сгущается внутри меня по пути домой, и, увидев Швейцара, я беру его на руки и прижимаю все сорок пять килограммов собачьего мохнатого веса к груди. Целую, зарываясь носом в грязную, вонючую шкуру. Такое чувство, что мог бы весь мир вот так прижать к груди и убаюкать. На морде Швейцара читается некоторое изумление, потом он спрашивает: «Ну что, теперь по кофейку?»

Я опускаю его на пол, от души смеюсь и замешиваю старо-

му лентяю кофе с молоком и огромным количеством сахара.

– Не налить ли тебе кофе, Джимми? – задаю я себе вопрос.

– Я отнюдь не против налить себе, – отвечаю я. – И отнюдь не против хорошей чашки кофе!

И снова заливаюсь смехом. Вот теперь я настоящий посланник.

8 ♦. Как я был Джимми

Доставив-таки злосчастный журнальный столик, я долгое время не ступал на порог родительского дома. Несколько недель носу не казал – хотел, чтобы мама чуток поостыла и забыла о моем небрежении и нанесенной ей обиде. По прибытии столика она устроила мне хорошую выволочку.

Для визита я выбираю тихое воскресное утро.

– Ты только посмотри, какое дерьмо приволок в дом этот сраный котяра, – мрачно сообщает она, завидев меня на пороге. – Как дела, Эд?

– Да ничего. А у тебя?

– Ишачу не разгибаясь, как у меня еще могут быть дела...

Мама работает на заправке. Кассиром. Вообще-то ей «всё до одного места», но как ни спросишь – она «ишачит не разгибаясь». На куше стоит пирог, но мне его не предлагают – должен прийти гость поважнее. Наверное, кто-то из благотворительного комитета.

Я подхожу поближе – хоть посмотрю, раз не дают попробовать.

– Не тронь! – превентивно рявкает мама.

До пирога еще километр, но она уже на страже.

– А что это?

– Чизкейк.

– А кто придет?

– Маршаллы.

Вот так всегда. Неотесанных вахлаков с соседней улицы она угощает, а меня нет. Но что я могу возразить?

– Ну, как там мой журнальный столик поживает?

Мама хихикает и с кривой улыбкой говорит:

– Ничего так поживает. Можешь пойти поздороваться с ним.

Я послушно иду в гостиную – и застываю с разинутым ртом. Ничего себе мама наколола меня...

– Эй! – ору я в сторону кухни. – Это не тот столик!

Мама входит в гостиную:

– Ну да, тот мне разонравился, и я его поменяла.

А вот это взбешивает меня не на шутку. Я, понимаешь ли, отпросился с работы на час раньше, чтобы забрать долбаный столик, – и что?! Он ей, видите ли, разонравился!

– Какого хрена?..

– Я тут как-то говорила с твоим братом Томми по телефону, и он сказал, что мебель из сосны смотрится слишком просто, да и качество дрянь.

Пауза.

– А твой брат очень хорошо разбирается в мебели! Себе, к примеру, он купил антикварный стол из кедра – не где-нибудь, а в центре! Сторговался за триста долларов, да еще и стулья за полцены взял!

– И что?

– Твой брат плохого не посоветует. Не то что некоторые.

– А почему ты не попросила меня заехать за новым столиком?

– С какой стати я должна была это делать?

– Ну, ты же велела мне привезти тот, из сосны!

– Нуда, попросила, – кивает она. – Но согласишься, Эд, твоя служба доставки работает фигово.

Если она хотела меня уязвить, у нее это получилось.

– Тебе ничего не надо, мам? – спрашиваю я чуть погодя. – Все равно иду в магазин, может, чего купить?

Она задумывается:

– Хм... Вообще-то Ли с семьей собиралась заехать на следующей неделе. Я буду делать для них шоколадный пирог с орехами. Так что можешь купить дробленые орехи.

– Не проблема, мам.

«А теперь отвали, Эд», – думаю я, выходя за дверь.

Без сомнения, эти слова сейчас звучат у нее в голове.

Мне определенно нравится быть Джимми.

– Джимми, ты мне раньше часто читал... Помнишь?

– Конечно помню, – отвечаю я.

В тот же вечер я снова пошел навестить Миллу.

Она протягивает руку и дотрагивается до моего плеча:

– Не мог бы ты выбрать книгу и чуть-чуть почитать? Мне так нравится твой голос...

– А какую именно? – спрашиваю я, стоя перед шкафом.

– Мою любимую, – улыбается она в ответ.

«Ч-черт... – веду я пальцем по корешкам. – Ну и какая из них любимая?»

Но это ведь совсем не важно.

Я могу выбрать любую, и она окажется ее любимой.

– Что скажешь насчет «Грозового перевала»?

– Как ты догадался?

– Интуиция, – говорю я и приступаю к чтению.

Пара страниц, и она засыпает в кресле-качалке. Разбудив, я помогаю ей дойти до кровати.

– Спокойной ночи, Джимми.

– Спокойной ночи, Милла.

На обратном пути я думаю о своей находке. Ага. Это листок, который лежал в книге на манер закладки. Обычный такой листок из блокнота, тоненький и пожелтевший от старости. На нем стояла дата: 5 января 1941 года. И написано всего несколько строк. Таким, знаете ли, типично мужским, как курица лапой, почерком. Примерно как у меня самого.

Там было написано:

Дорогая Милла!

Моя душа принадлежит твоей.

С любовью, Джимми.

В следующий раз она извлекает старые фотоальбомы, и мы внимательно просматриваем их. Милла то и дело показывает на молодого человека, – тот обнимает или целует ее на фотографиях. Или просто стоит рядом.

– Ты всегда был таким красивым, – говорит она.

На фото Милла гладит Джимми по лицу, и я понимаю, каково это, когда тебя любит такая женщина. Кончики ее пальцев излучают любовь. Любовь звучит в ее голосе.

– Ты изменился, конечно, но все равно выглядишь замечательно. Да-да-да, ты всегда был у нас первым красавчиком, все девушки это говорили. Даже мама сказала: «Смотри, какой мужнина! Красавец, порядочный – будешь как за каменной стеной». Гляди, повторяла она, не упусти и береги его как зеницу ока!

Вдруг Милла поднимает глаза – в них читается паника:

– О, Джимми! Я ведь берегла тебя? Как зеницу ока?..

Еще чуть-чуть – и я заплачу.

Нет, точно заплачу. Поэтому я смотрю в добрые, милые глаза старой леди и говорю:

– Да, Милла. Ты меня берегла. Как зеницу ока. Лучшей жены я бы не смог сыскать в целом све...

И тут она разражается слезами. Уткнувшись в мой рукав, она долго плачет и плачет. И смеется. Всхлипывает – от отчаяния и радости одновременно. Ее слезы, теплые, милые, как она сама, пропитывают мой рукав и согревают руку.

Потом она предлагает мне шоколадный торт – тот самый, что я принес пару дней назад.

– Увы, не припомню, кто его принес, – ласково говорит Милла, – но он очень вкусный. Попробуешь?

– С удовольствием, – отвечаю я.

Торт, конечно, маленько зачерствел, – но что с того?
Это самое вкусное угощение в моей жизни.

Несколько дней спустя вся наша компания вновь собирается на крыльце моей развалюхи – играем в карты. И мне даже везет, но тут вдруг наступает странноватая тишина. А затем из дома доносится звук.

– Телефон, – говорит Одри.

Что-то не так. Что-то нехорошее происходит – и внутри меня начинает шевелиться зловещее предчувствие.

– Ну, ты трубку будешь брать или нет? – спрашивает Марв.

Я встаю. Перешагиваю через дрыхнувшего Швейцара. Во мне все трясется от неожиданного страха.

Телефон требовательно звонит – ну-ка, сними трубку, парень!

Я уступаю:

– Алло?

В ответ – тишина. Полная.

– Алло?

Опять ни звука.

– Алло? Кто это?

И тогда в ухо вползает голос, пробирающий меня до печенок. Вот прямо-таки вползает и долезает до самых печенок. Хотя сказаны-то всего три слова:

– Как дела, Джимми?

В груди все обрывается.

– Что? – переспрашиваю я. – Что вы сказали?

– Ты знаешь, о чем я.

И я остаюсь наедине с короткими гудками.

Возвращение на крыльцо дается с трудом.

– Эд, ты проиграл, – заявляет Марв.

Но мне не до злорадных реплик.

И не до карт – чего уж там.

– Да на тебе лица нет, – замечает Ричи. – Сядь, а то рухнешь.

Совет хороший. Я пытаюсь вновь сосредоточиться на игре.

Одри бросает на меня встревоженные взгляды: мол, все ли с тобой в порядке, Эд? Да, да, все нормально, Одри.

После игры она остается у меня, и я еле сдерживаюсь, чтобы не рассказать всю эту историю с Миллой и Джимми. На языке так и вертится вопрос: «Что же мне делать, Одри, дай совет?» Но ирония в том, что я и так знаю, как быть. И никакое другое мнение – даже Одри – не в состоянии ничего изменить. Все предельно ясно: пора двигаться дальше. Я избавил Миллу от одиночества, и наступило время либо заняться следующим адресом, либо вернуться к проблеме Эдгар-стрит. Конечно, я могу приходить к Милле с визитами, но пора делать что-то еще.

Решено. Двигаюсь дальше.

Вечером я, как всегда, вывожу Швейцара на прогулку. Уже поздно, но мы идем вниз, до кладбища. Там я захожу к отцу. А потом мы бродим среди могил.

И вдруг свет карманного фонарика ударяет мне прямо в лицо.

Точно, охранник.

– Ты вообще в курсе, который час? – интересуется он.

Кладбищенским сторожем оказывается здоровенный парень с усами.

– Без понятия, если честно, – отвечаю я.

– Одиннадцать минут первого! Ночью кладбище закрыто для посетителей.

Остается только развернуться и уйти. В другой раз я бы так и поступил. Но не сегодня. Сегодня рот мой открывается сам собой.

– Сэр... У меня тут... э-э-э... В общем, я ищу одну могилу, – бормочу я.

Охранник меряет меня взглядом. На лице у него написана нерешительность. Помочь? Не помочь? В конце концов на физиономии прочитывается решение: «да, помочь».

– Чью?

– Джонсон. Это фамилия.

Он качает головой и отфыркивается:

– Джонсон! Да ты, парень, в курсе, сколько тут Джонсонов лежит?

– Нет, сэр.

– Ты-ся-чи.

И охранник снова фыркает в усы, будто желает впусшить и поставить их торчком. Усы, кстати, рыжие. И весь он тоже рыжий.

– Понятно. Но мы можем по крайней мере попытаться? Как вам такая идея?

– А что за порода?

Это он про Швейцара.

– Помесь ротвейлера и немецкой овчарки.

– Что ж он воняет-то у тебя, как помойка... Ты его хоть моешь иногда?

– Да, сэр, мою.

– Ф-фу-у-у... – морщится он и отворачивается. – Черт, аж слезы из глаз выбивает...

– Вы поможете мне с могилой? – напоминаю я.

– Ах да, – вскидывается он. – Точно. Ну, давай попытаемся. Этот старый пердун когда копыта откинул, хоть примерно?

– Я бы попросил вас быть немного повежливее, сэр.

Охранник останавливается и оборачивается ко мне.

– Значит, так.

Я вижу, парень начинает... как там мне говорили?.. петушиться, вот.

– Хочешь, чтобы я тебе помог, – не раздавай здесь указаний. Понятно?

– Да, сэръ. Извините, пожалуйста.

– Нам в ту сторону.

Обойдя полкладбища, мы обнаруживаем могилы нескольких Джонсонов, – но среди них нет того, кто мне нужен.

– Слушай, ты настырный засранец, как я погляжу, – не выдерживает наконец охранник. – Чем тебе эта могила не подходит?

– Здесь написано «Гертруда Джонсон».

– А тебе кто нужен?

– Джимми.

И меня посещает счастливая идея назвать еще одно имя:

– Имя жены – Милла.

Охранник резко останавливается, смотрит на меня и говорит:

– Милла?.. Черт, а ведь я помню эту могилу. Я ее точно помню – имя на камне выбито...

Мы быстро идем на другой конец кладбища, и он не перестает бормотать:

– Милла, Милла...

Луч фонарика утыкается в надгробие.

Мы у цели.

Джеймс Джонсон

1917–1942

Пал смертью храбрых

Помним. Любим. Скорбим

Милла Джонсон

Фонарик заливает ярким светом могильный камень, а мы стоим и смотрим – долго, минут десять, не меньше. И все это время я напряженно думаю: где он погиб? Как? А самое главное: это что же, бедная Милла ждала его шестьдесят лет?!

Она ждала, я точно знаю.

Не было в ее жизни другого мужчины. Потому что сердце принадлежало лишь Джимми – безраздельно.

Шестьдесят лет она ждала, что Джимми вернется.

И вот он вернулся.

9 ♦. Босоногая девушка

Однако все равно пора двигаться дальше.

История Миллы прекрасна и трагична одновременно. Но меня ждут другие послания. Следующее – Македони-стрит, дом шесть. Пять тридцать утра. Нет, конечно, я подумывал и о возвращении на Эдгар-стрит. Но мне не хватило храбрости. Слишком страшные вещи я там видел и слышал. Была, правда, надежда, что все изменилось к лучшему. Но это не так. Я туда как-то пришел в полночь. Все по-прежнему.

Восход застает меня на Македони-стрит. Середина октября, а погода не по-весеннему жаркая. Утро выдается теплым и солнечным, и я поднимаюсь по круто забирающей вверх улице. На вершине холма стоит двухэтажный дом.

На часах пять тридцать, из-за дома показывается одинокая фигурка. Похоже, это девушка, хотя точно сказать трудно – на голове капюшон, скрывающий лицо. На человеке красные спортивные трусы, серая толстовка с капюшоном, а вот обуви нет. Идет босиком. Ростом примерно метр семьдесят.

Ну что, я усаживаюсь между двумя припаркованными машинами – нужно дождаться возвращения человека.

Ждал я так долго, что чуть не уехал на работу. Но в последний момент она – это все-таки девушка – показалась из-за угла. Она бежала, уже без толстовки, – та болталась, за-

вязанная на поясе. Теперь я хорошо мог разглядеть лицо и волосы.

Кстати, в этот момент я как раз сворачивал за угол, так что мы чуть не столкнулись.

На мгновение мы оба застываем.

Девушка одаривает меня мимолетным взглядом.

За это время я успеваю разглядеть, что ее собранные в хвостик волосы – цвета солнца, а глаза – прозрачные, как вода. Бледно-бледно-голубые, я похожих еще не видел. И губы нежные, таким идет приветливая улыбка.

А потом она снова переходит на бег.

Я смотрю ей вслед, она тоже оглядывается. Затем отворачивается и бежит дальше.

Ноги у нее гладко выбриты, – как же я раньше не понял, что это девушка? Длинные и красивые ноги. Симпатичная, высокая. Худенькая, но грудь нормальная, спина прямая, бедра узкие. Ступни не очень большие. И шаг легкий-легкий.

Краси-и-и-вая.

Да, красивая. А я – олух.

Ей не больше пятнадцати, а я втюрился. Аж распирает изнутри – так борются любовь и вождление. Я понимаю, меня тянет к девушке, которая в пять тридцать утра выходит босая на пробежку. Тянет неодолимо.

На обратном пути я все думаю: так чем же ей помочь? Что я должен ей доставить? Надо попытаться действовать мето-

дом исключения. Она из хорошего района – значит, дело не в деньгах. Да и друзей у нее наверняка полно, хотя кто знает...

И вот еще. Она бегаёт.

Наверняка задание с этим как-то связано. Непременно связано.

С тех пор я хожу туда каждое утро, но стараюсь не показываться ей на глаза.

А в один прекрасный день я решил: а почему бы не познакомиться поближе? Побегу за ней. Как есть: в джинсах, ботинках и старой белой футболке. Она уже далеко впереди, но ничего, догоню.

Девушка идет шагом.

Я пытаюсь сократить расстояние.

И перехожу на бег. Боже, такое впечатление, что я спринтер и бегу на Олимпийских играх четырехсотметровую дистанцию! Ну что ж, теперь все со мной ясно. Водитель такси, пренебрегающий спортом.

Я жалок.

Ноги задевают одна за другую.

И поднимать их становится все труднее. А ведь надо тащиться следом за девушкой. О мои бедные ноги, словно два плуга, вспахивающих землю, – зарываются все крепче и крепче... Дышать я стараюсь как можно глубже, но в горле стоит огромный ком. Лежим не хватает воздуха. Я чувствую, как он всасывается вниз, но его недостаточно. А ведь надо бежать вперед. Надо!

Девушка направляется к окраине нашего городка, к стадиону. Он вытянулся в долинке, и, к счастью, дорога идет под гору. Сейчас – да, а вот как я буду выбираться – сам не знаю...

Наконец мы достигаем стадиона, девушка легко перепрыгивает через изгородь, стаскивает с себя толстовку и оставляет ее висеть на ограде. А я, пошатываясь, перехожу на шаг и падаю на землю под ближайшим деревцем – там тенек, и то хорошо.

Девушка нарезает круги.

Вокруг меня все быстро кружится.

Тошнота наползает, похоже, сейчас вырвет. И пить хочется до невозможности, – но как дойти до крана? Я даже встать не могу, лежу на спине, с меня ручьями течет пот.

«Боже мой, Эд, – вздыхаю я. – Что-то ты вообще не в форме, да...»

«Это точно», – отвечаю сам себе.

«Но это же отвратительно!»

«Да знаю я».

Еще я понимаю, что вот так просто лежать под деревом не годится. Но прятаться от девушки у меня нет сил. Увидит так увидит. Я двинуться не могу, не то что встать и пойти куда-то. А уж как завтра все мускулы будут болеть...

Между тем девушка перестает бегать кругами и приступает к упражнениям на растяжку. К этому времени воздух наконец-то начинает поступать в легкие в нужном объеме, и

мне уже полегче.

Она ставит ногу на ограду. Нога длинная и очень красивая.

«Не смей об этом думать. Не смей об этом думать», – твержу я себе.

И вдруг она меня замечает. И тут же отворачивается. Опускает голову и смотрит в землю. Прямо как тем утром. На меня глядит не больше секунды. Я понимаю: девушка сама ко мне не подойдет. Умная мысль посещает меня, как раз когда она снимает одну ногу с ограды и ставит на нее другую. Хочешь пообщаться, Эд? Подойди сам.

Растяжка завершена. Девушка берет толстовку. И тут я резво подымаюсь и иду к ней.

Она начала было бежать, но тут же остановилась.

Потому что все поняла.

Я думаю, она должна это чувствовать: я здесь, потому что она здесь.

Между нами шесть или семь метров. Я смотрю на нее. Ее взгляд упирается в землю где-то в ярде от моей правой ноги.

– Здравствуйте... – выговариваю.

Глупым до невозможности голосом.

И перевожу дыхание.

– Привет, – отвечает она.

Ее глаза все еще изучают землю где-то рядом со мной.

Я делаю шаг. Один.

– Меня Эд зовут.

– А я знаю, – говорит она. – Эд Кеннеди.

Голос высокий, но мягкий – в него можно упасть с разбегу. Чем-то напоминает Мелани Гриффит. У нее похожий голос, помните? Вот и у девушки такой же, да.

– А как ты узнала, кто я? Мне же интересно.

– Ну, папа газету читал, а я твою фотографию видела. Там про ограбление банка было, да?

– Ага, – говорю я и подхожу ближе.

После нескольких неловких мгновений она все-таки поднимает на меня глаза.

– А зачем ты за мной ходишь?

И вот стою я, одолеваемый усталостью, и говорю:

– Я пока еще сам не понял.

– А ты точно не извращенец или вроде того?

– Да нет же!

И тут же начинаю судорожно думать: «Не смотри на ее ноги. Не смотри на ее ноги!»

А она глядит на меня и улыбается – приветливо, как тогда.

– Ну и отлично. А то я уже начала бояться – ты ведь каждый день приходил.

А голосок сладкий-сладкий, даже не верится, что такие бывают. Прямо как клубничный наполнитель в мороженом...

– Слушай, извини. Не хотел тебя пугать.

На губах ее выступает осторожная улыбка.

– Ладно, ничего страшного. Просто... ну... у меня с

людьми разговаривать не очень-то получается.

Она снова отворачивается, будто от стеснения ей перехватило горло. Потом говорит:

– Вот... В общем, ты не против, если мы не будем разговаривать?

Она спешит добавить, боясь меня обидеть:

– То есть я совсем не возражаю, чтобы ты по утрам сюда приходил. Просто я говорить не буду, ладно? Я не очень себя удобно чувствую и все такое...

Я киваю в ответ, надеюсь, она это замечает.

– Да не проблема.

– Спасибо.

Девушка оглядывает землю у моих ног в последний раз и вдруг спрашивает:

– А ты, похоже, бегаешь не очень регулярно?

Вкусом ее голоса можно наслаждаться – в данный момент я, например, распробовал на губах девушки клубнику. Вполне возможно, мы вообще в последний раз говорим, и я ее больше не услышу. Но потом все же отвечаю:

– Да, не очень.

И мы обмениваемся понимающими дружелюбными взглядами.

А потом она убегает. Я смотрю ей вслед и слушаю, как босые ступни легонько касаются земли. Чудесный звук. Он напоминает ее голос.

В общем, на стадион я прихожу каждый раз до работы. И каждый день она бегает. Каждый божий день, ни единого пропуска! Помню, однажды утром лил дождь как из ведра – так она все равно наматывала круги.

В среду я беру отгул (оправдываясь перед собой, что человек, у которого есть высокое призвание в жизни, должен идти на жертвы). Швейцар плетется вслед за мной, и мы направляемся к школе. Время около трех, и она выходит после занятий. С ней небольшая компания друзей, и это отрадно. Как я и предполагал, от одиночества девушка не страдает. Хотя, видя такую стеснительность, начинаешь беспокоиться.

Вы никогда не замечали: если смотришь на людей издали, видишь только картинку, без звука. Как в немом кино. И начинаешь строить догадки: о чем это они говорят? Наблюдаешь, как раскрываются и закрываются рты, воображаешь звуки шагов, шарканье подошв. И все гадаешь: так на какую тему у них разговор? И самое главное – о чем они думают, произнося то, что произносят?

Кстати, я замечаю одну странность. К их компании – сплошь из девчонок – подошел парень. Ну и некоторое время они шли рядом. И моя бегунья тут же стушевалась, принялась смотреть в землю. А когда парень ушел, снова оттаяла.

Остановившись и подумав, я делаю следующий вывод: девушке просто не хватает уверенности в себе. Мне ее, кстати, тоже не хватает.

Возможно, она себе кажется неуклюжей дылдой. И не по-

нимают, что все остальные считают ее очень красивой! Ну, если дело только в этом, все быстро уладится.

И тут же качаю головой.

Осуждающе.

«Как тебе не стыдно так говорить, – отчитываю себя. – Все быстро уладится! А ты почему знаешь? У тебя уладилось, Эд? Сомневаюсь... Вот и у нее так же будет».

Да, я прав. Нечего тут планы планировать и предсказания предсказывать. Нужно делать то, что должно. И надеяться на лучшее.

Я даже несколько раз приходил к ее дому ночью.

Ничего такого не случилось.

Вообще ничего, ни разу.

Я смотрю на себя оценивающим взглядом, на каждое из своих заданий. Вот бегунья, вот Милла, вот жуткая Эдгар-стрит.

Смотрю и понимаю: я даже имя этой девушки не удосужился узнать. Мне почему-то кажется, что ее должны звать Элисон. Но я привык думать о ней как о «бегунье».

Еще я хожу на соревнования по легкой атлетике, летом они проводятся каждые выходные. Девушка, конечно, выступает. Я вижу ее с семьей: мать, отец, младшие сестра и брат. Все одеты в черные шорты и голубые майки с прямоугольной нашивкой на спине. У девушки номер 176, а над ним рекламный слоган какао: «Пей “Майлоу” – расти здоровым!»

Вызывают участников забега на полтора километра среди

спортсменов младше пятнадцати лет. Девушка встает, стряхивает с одежды сухие травинки.

– Удачи, – говорит ей мама.

– Удачи, Софи, – эхом повторяет отец.

Софи.

Мне нравится это имя.

Повторяю про себя: «Софи». И осторожно примериваю на ее образ. Что ж, они подходят друг другу.

Девушка все еще смахивает сор со спортивных трусов, а я вспоминаю, что у нее же есть брат с сестрой. Но дети умчались. Девочка отправилась к площадке для метания ядра, а мальчик побежал играть в войну с мелким гаденышем по имени Кирен.

– Я могу поиграть с Киреном? Мам, ну пожалуйста...

– Иди. Но ты помнишь, что скоро твой забег? Слушай объявления, твое – забег на семьдесят метров. Ты понял меня?

– Да, мама. Кирен, пошли!

Некоторое время я сижу и наслаждаюсь тем, что меня зовут Эд, просто Эд. Что у меня не хитрое имя типа Эдвард, Эдмунд или Эдвин. Для разнообразия приятно почувствовать себя совершенной посредственностью.

Софи поднимается на ноги и замечает меня. На лице – удовлетворение. Да, ей нравится, что я здесь. И все равно она почти тотчас же отворачивается и смотрит в землю. Потом отправляется к месту сбора с парой раздолбанных шиповок в

руке. Видимо, детям постарше разрешается бежать длинные дистанции в таких кроссовках. Тут ее окликает отец:

– Софи?

Она оборачивается и смотрит ему в лицо.

– Софи, ты можешь выиграть. Ты знаешь, что можешь.

Нужно просто захотеть.

– Спасибо, папа.

Она торопливо уходит. И еще раз оглядывается на меня. Я сижу на солнышке, пихаю в рот шоколадную печенюку. Кокосовая стружка облепила мне губу, и стряхивать ее слишком поздно. Софи, впрочем, все равно ее не увидит, с такого-то расстояния. Она глядит на меня и сразу идет дальше. А я уже понял, что нужно делать.

Был бы понаглее, сказал бы, что эта миссия – как два пальца об асфальт. Легче легкого.

Но с наглостью у меня проблематично.

А еще я помню про Эдгар-стрит. И знаю: на каждое легкое, приятное поручение будет приходиться такое, от которого поджилки затрясутся. Так что я благодарен за эту миссию. Погода стоит отличная, девушка мне нравится. Она привлекает еще больше, когда бежит голова в голову с высокой худощавой девчонкой, у которой, похоже, над Софи преимущество. Они долго бегут рядом, но у финиша высокая девочка делает рывок вперед. Она ускоряется, ее поддерживает мужчина: «Вперед, Анни! Да! Да! Давай, моя девочка! Так им! Покажи им! Сделай ее, доченька, сделай ее, ты мо-

жешь!»

Не знаю, как вы, но если бы мне такое орали, я бы пришел вторым из принципа.

Отец Софи, кстати, ведет себя совсем по-другому.

Перед началом забега он выходит к ограждению. Потом внимательно наблюдает за гонкой. Не кричит, просто смотрит. Время от времени я чувствую напряжение его воли, – мужчина словно хочет подтолкнуть дочку взглядом. Когда другая бегунья вырывается вперед, отец Софи просто кидает в сторону ее отца короткий взгляд. И все. Другая девушка выигрывает забег, и он аплодирует – и ей, и Софи. А отец выигравшей девушки весь раздувается от неприличной гордости. Можно подумать, это он бежал из последних сил и выиграл.

Софи подходит и становится рядом с отцом, тот обнимает ее за плечи. Слово «разочарование» написано у нее на спине большими буквами.

Почему-то отец Софи напоминает моего собственного, хотя он никогда не обнимал меня за плечи. Да и вообще был алкоголиком. Просто чувствуется что-то похожее в манерах и в поведении. Мой отец тоже был очень спокойным, тихим человеком и в жизни никому не сказал худого слова. Ну да, он каждый день шел в паб и сидел там до закрытия. А потом гулял, чтобы протрезветь. У него, правда, никогда не получалось протрезветь окончательно. Но работу не пропускал ни разу: утром вставал и ехал трудиться, каждый будний день,

без исключений. Мама, конечно, орала, вопила и верещала, понося его на чем свет стоит, но он за всю жизнь не сказал ей в ответ грубого слова. Никогда не отвечал бранью на брань.

В общем, отец Софи такой же. Понятное дело, я не алкоголизм имею в виду. Он джентльмен.

Бок о бок они идут туда, где сидит мать Софи. Девушка пьет какой-то энергетический спортивный коктейль, а ее родители держатся за руки. Они, похоже, из тех семей, в которых принято обмениваться репликами «Я люблю тебя, солнышко» и «Я тебя тоже люблю» перед сном, после пробуждения и уходя на работу.

Шиповки лежат на земле, Софи их сбросила. Она смотрит перед собой и вздыхает:

– Обидно. Думала, в них мне наконец-то повезет.

Похоже, эти кроссовки Софи дала мать или кто-то другой из родственников, потому что в свое время они кому-то принесли удачу.

Семья Софи сидит на траве, и я присматриваюсь к шиповкам. Вытертые, старые, изношенные – раньше они были желто-голубыми.

А еще они... неправильные.

Софи заслуживает большего, чем рваные кеды.

10 ♦. Обувная коробка

– Куда это ты пропал?

– Да я занят был...

Мы с Одри сидим на крыльце, попиваем какую-то дешевую малоградусную бурду. В общем, как всегда. Швейцар выходит – тоже хочет выпить. Но я его только похлопываю по шее.

– Тебе больше карт по почте не присылали?

Одри, конечно, в курсе, что никуда я бубновый туз не выкинул. Эта карта дороже любых брильянтов. А бриллианты ведь никто в здравом уме не выкинет? Они ценные, их бередь надо. Ну а моя карта еще ценнее.

«Милла, – думаю я. – Софи. Женщина с Эдгар-стрит. И ее дочка, Анжелина».

– Да нет, – говорю вслух. – Я пока с этой не разобрался.

– Как думаешь, еще пришлют?

Я задумываюсь: хочется ли мне, чтобы прислали еще одну карту?

– Там и с первой-то очень непросто, – наконец отвечаю я, и мы отхлебываем из бутылок.

К Милле я захожу регулярно. Она показывает мне фотографии, я читаю вслух «Грозовой перевал». Кстати, книга мне даже начала нравиться. Торт мы съели несколько дней назад – и слава богу.

Пожилая леди все так же любезна. Руки у нее трясутся, и память подводит, но она по-прежнему мила со мной.

На следующих выходных Софи проигрывает еще в одном забеге – на этот раз на восемьсот метров. А все эти старые заплатанные шиповки – ей в них неудобно! Софи нужно что-то получше, я же видел ее по утрам. Вот тогда она взаправду бежит. Бежит, ни о чем не думая, и выкладывается по полной.

Ранним субботним утром я прихожу к дому Софи и стучусь в дверь. Открывает ее отец.

– Здравствуйте...

Я нервничаю, словно явился спросить, могу ли встречаться с его дочерью. В руках у меня коробка для обуви, отец Софи смотрит на нее. Я быстро протягиваю коробку и говорю:

– Доставка для вашей дочери. Надеюсь, они подойдут по размеру.

Коробка переходит из моих рук в его, и на лице моего собеседника проступает некоторая растерянность.

– Просто скажите Софи, что пришел парень и принес ей новые кроссовки.

Отец девушки смотрит на меня как на обкуренного:

– Ну... ладно.

И изо всех сил старается не прыснуть со смеху:

– Так и скажу.

– Большое спасибо.

Я разворачиваюсь и иду, но его голос заставляет меня остановиться.

– Эй, послушайте, – окликает меня отец Софи.

– Да, сэр?

С озадаченным выражением лица он взвешивает на руках коробку – и выдвигает ее вперед, как предлог для беседы.

– Я знаю, – спокойно говорю я.

Коробка пуста.

Побриться я не успел, да и вообще выгляжу – краше в гроб кладут. Смена окончилась в шесть утра, я оставил такси на стоянке и сразу пошел сначала к дому Софи, а потом на стадион. На завтрак у меня были хот-дог и кофе.

Объявляют забег на полторы тысячи метров. Софи выходит босиком.

И я улыбаюсь: действительно, получились «босоногие кроссовки».

– Пожалуйста, пусть ей никто не наступит на ногу, – говорю я вслух.

Через несколько минут к ограждению подходит ее отец. Забег начинается.

Придурочный папаша победившей в тот раз девушки начинает орать как потерпевший.

Софи спотыкается и падает сразу после первого круга.

До того как упасть, она была с четырьмя другими девушками в группе лидеров, – остальные участники растянулись

метров на двадцать пять. Софи поднимается на нош, и я тут же вспоминаю эпизод из фильма «Огненные колесницы», когда Эрик Лиддел падает, но потом все равно всех обгоняет и приходит к финишу первым.

Остаются еще два круга, Софи прилично отстает.

И вот она догоняет группу лидеров. Двоих обходит легко, потому что бежит как утром. В ней нет напряжения, только радость жизни и абсолютное чувство свободы. Не хватает лишь красных спортивных трусов и толстовки. Босые ноги несут ее легко-легко, и вот она обходит третью бегунью. И оказывается бок о бок со своей давней соперницей. Софи обгоняет ее и удерживает лидерство. Впереди еще двести метров.

«Она бежит прямо как утром», – думаю я, а люди оборачиваются и смотрят ей вслед.

Многие видели, как Софи упала, поднялась и побежала дальше. И вот теперь люди наблюдают за ней, а Софи – впереди всех, она летит к финишу. Такого здесь еще не видели. Метание диска приостановилось, прыжки в высоту тоже. Вокруг притихли и смотрят. Весь стадион следит за девушкой с солнечными волосами и сладким, будто клубника, голосом, как она тяжело дышит и летит, летит к финишу.

Ее догоняет соперница.

Хочет вырваться вперед.

Колени Софи в крови, ободрались во время падения, и ступни наверняка исколоты, но так надо. Последние сто мет-

ров оборачиваются для девушки сушей пыткой. Я вижу боль на искаженном лице, ступни кровят. Она бежит по сухому лысеющему травяному полю и почти улыбается – от боли. И от восторга. Софи – сама по себе, ей дела нет ни до кого другого.

Она бежит босиком.

И она – воплощенная радость жизни. Такого я еще не видел.

Девушки финишируют.

Та, другая, выиграла.

Все как всегда.

Софи пересекает финишную черту и падает на землю. Перекатывается на спину и смотрит вверх, в небо. У нее болят руки, ноги и сердце. Но на лице – то же чудесное выражение, что и утром. И она, я полагаю, думает: «Вот оно. Пять тридцать утра».

Отец Софи аплодирует, как всегда, только в этот раз не он один. К нему присоединяется отец выигравшей девушки:

– Черт, вот это да! Замечательная у вас дочка, сэр! Отец Софи вежливо и скромно кивает.

– Спасибо. У вас тоже, сэр, – говорит он.

Ж ♦. Простой смертный

Я выкидываю в урну пластиковый стаканчик из-под кофе, обертку от хот-дога и собираюсь идти домой. Естественно, пальцы все в кетчупе.

Потом слышу у себя за спиной звук ее шагов, но не оборачиваюсь. Хочу услышать голос.

– Эд?

Боже, этот голос ни с чем нельзя перепутать.

Я поворачиваюсь и улыбаюсь девушке, у которой в крови колени и ступни. С левой коленки струйка криво стекает до голени.

Я показываю на нее и говорю:

– Хорошо бы перевязку сделать и все такое.

– Да, обязательно, – отвечает она спокойно.

Между нами повисает неловкое молчание. Я понимаю: мне здесь больше делать нечего. Ее волосы распущены. И прекрасны. А в глазах можно утонуть и не пожалеть об этом. А губы ее раскрываются, и она говорит мне:

– Я просто хотела сказать спасибо.

– За то, что ступни исколола и колени разбила?

– Нет. – Она не ведется на мою шутку. – Я хотела поблагодарить тебя, Эд. Спасибо.

Приходится сдаться:

– Ну... пожалуйста.

Мой голос похож на скрип гравия – не то что у нее.

А когда я делаю шаг вперед, то понимаю: Софи больше не наклоняет голову и не смотрит в землю. Она поднимает глаза и даже не стесняется.

– Ты красавица, Софи, – говорю я. – Ты знаешь об этом?

Ее лицо заливает легкий румянец, но Софи не возражает.

– Я увижу тебя снова? – спрашивает она.

По правде говоря, я думаю, что не раз придется пожалеть о словах, которые я произношу в ответ:

– Но не в пять тридцать утра, только не это!

Она заводит ногу за ногу и легонько поворачивается, посмеиваясь про себя.

Я уже собираюсь уходить, как вдруг она говорит:

– Эд?

– Да, Софи.

Она явно не ожидает, что я знаю ее имя, но все равно спрашивает:

– Ты случайно не святой?

Внутри меня все сотрясается от смеха.

Я? Святой? Ну-ка, перечислим мои ипостаси: таксист, местный бездельник, эталон посредственности, никудышный любовник, неудачливый игрок в карты.

Мое последнее слово таково:

– Нет, Софи, я не святой. Я простой и глупый смертный.

Мы в последний раз обмениваемся улыбками, и я иду прочь.

Спиной чувствую ее взгляд, но не оборачиваюсь.

Q ♦. Возвращение на Эдгар-стрит

Ощущение такое, что каждое утро кто-то хлопает у меня над ухом в ладоши.

Чтобы я проснулся.

Раскрыв глаза, я получаю три воспоминания. Каждое утро.

Милла.

Софи.

Эдгар-стрит, 45.

Первые два заставляют радостно вскакивать с восходом солнца. А вот третье... третье спутывает ноги, запускает мурашки по коже, а плоть и кости заставляет трепетать.

Поздними вечерами я пересматриваю «Придурков из Хаззарда». Там еще толстый мужик вечно сидит и пожирает за столом маршмеллоу². «Как зовут этого парня?» – спросил я, когда еще смотрел первую серию. В кадре тут же показалась Дэйзи и сказала: «Как дела, Босс Хогг?»

Босс Хогг.

² Маршмеллоу – аналог пастилы. Зефироподобные конфеты, состоящие из сахара или кукурузного сиропа, желатина, размягченного в горячей воде, декстрозы и ароматизаторов, взбитых до состояния губки. (*Прим, ред.*)

Конечно.

О боже, как же Дейзи хороша в обтягивающих джинсах. Каждый вечер я смотрю на экран, вижу ее – и пульс мой ускорится до невозможности. Но, увы, она почти мгновенно исчезает из кадра.

Швейцар каждый раз бросает на меня понимающие ехидные взгляды.

– Да ладно тебе, – оправдываюсь я.

Но вот Дейзи опять на экране – и я глух ко всем упрекам. Красивые женщины – проклятие моей несчастной жизни.

Ночи и серии «Придурков» проходят одна за другой.

Такси я вожу, страдая от жуткой головной боли. Она сидит на пассажирском сиденье. Я оборачиваюсь, а боль тут как тут.

– Приехали, – говорю я. – Шестнадцать пятьдесят.

– Шестнадцать пятьдесят? Аж шестнадцать? – принимается нудеть пожилой джентльмен в костюме.

Его слова – как кипящий бульон в моей голове. Пена поднимается и опускается, внутри все булькает.

– Деньги давайте сюда. – Сегодня мне не до реверансов. – И вообще, если дорого, пешком ходите.

А то я не знаю, что поездку он запишет на счет компании.

Пассажир отдает мне деньги, я благодарю.

«Неужели так трудно вести себя нормально?» – думаю про себя.

Мужик выходит и громко хлопает дверью. Такое впечатление, что он ударил меня по голове.

В принципе, я жду нового телефонного звонка. Чтобы голос из трубки сказал: «А ну-ка быстро метнулся на Эдгар-стрит и все там уладил». Проходит несколько дней, но никто не дает мне пенделя по телефону.

В четверг вечером мы играем в карты у Одри, но я ухожу пораньше. Все свободное пространство в моей голове занимает предчувствие. Из-за него я поднимаюсь и ухожу, скупо прощаясь с друзьями. Час пришел, нужно идти. Я должен занять свой пост у дома на Эдгар-стрит, дома, захваченного насильником. Дома, в котором почти каждую ночь творятся ужасы.

И вот я иду туда и понимаю: ноги сами несут меня быстрее. Потому что окрыляет мысль об успехе: я ведь справился с двумя заданиями.

Милла. Софи. Я все сделал.

А теперь должен встретиться лицом к лицу с этим.

Поворачиваю на Эдгар-стрит и чувствую, как сжимаются кулаки в карманах. Оглядываюсь по сторонам, не смотрит ли кто.

Подходя к дому Миллы или Софи, я не чувствовал опасности – да и с чего, такие приятные люди. Никакого риска. А тут – все по-другому. О чем ни подумай, одна сплошная боль. Все плохо и может обернуться еще хуже – у жены, у

девочки, у мужа. И у меня.

Время идет, я жду. В кармане обнаруживается позабытая жвачка, я кладу ее в рот. У нее тошнотворный вкус, как у страха.

Предчувствие во мне нарастает, и в конце улицы появляется он – хозяин дома. Вот мужчина подходит к ступеням крыльца. Тишина подбирается все ближе. И вдруг бросается вперед, отпихивая меня в сторону.

И это снова происходит.

Насилие. Оно врывается, запускает пальцы – буквально во все. Рвет на части, и все разваливается, расплзается. Я ненавижу себя за то, что так долго собирался с духом и до сих пор не покончил с этим кошмаром. Я презираю себя за трусость: выбирал легкие варианты и откладывал приход сюда вечер за вечером. Пружина ненависти сжимается во мне – и распускается резким ударом. Она бьет в душу и бросает ее на колени передо мной. Душа кашляет и задыхается, и ненависть к себе захлестывает меня с головой.

«Дверь, – думаю я. – Иди к двери, она открыта».

Думаю, но не двигаюсь с места.

Я не могу, ибо трусость сбивает с ног и топчет душу, которая безуспешно пытается подняться с колен, но падает обратно в полном бессилии. Пошатывается – и валится на землю с глухим, окончательным звуком. И смотрит вверх, на звезды. Капельки света по всему небу – это же звезды?

«Ну-ка встань», – говорю я себе снова. И на этот раз встаю

и иду.

Все вокруг дрожит от страха, но я поднимаюсь по ступеням и подхожу к двери. Далекие облака настороженно смотрят на меня и боязливо пятятся. Мир заявляет, что он тут ни при чем. Что ж, я могу его понять.

Войдя внутрь, я их слышу.

Он будит ее – беспардонно.

А потом мучает.

Влезает ей в душу – и бросает на произвол судьбы.

Швыряет на кровать, овладевает ее телом и вспарывает живот. Пружины матраса скрипят с отчаянным подвыванием. Они обречены делать то, чего не хотят: вверх – вниз, вверх – вниз. Жаловаться, просить о пощаде – бессмысленно. До прихожей, где я стою, доползает тихий плач. Припадая к полу, кривенько, бочком он вытаскивается из-за открытой двери и тычется мне в ноги.

«Ну что? И сейчас не войдешь?» – сердито спрашиваю себя.

И все равно стою и жду.

Дверь открывается шире, и из щели показывается плачущий ребенок. Девочка.

Она стоит прямо передо мной и трет кулачком глаз – прогоняет настырный сон, который там поселился. На ней желтая пижама в красных корабликах, большие пальцы ног сгибаются и трутся друг о друга.

Девочка смотрит на меня, но в ее глазах нет страха. Ужас-

нее того, что творится у нее за спиной, ничего быть не может.

– Ты кто? – спрашивает она шепотом.

– Я Эд, – шепчу я в ответ.

– А я Анжелина, – говорит девочка. – Ты пришел нас спасти?

В глазах у нее загорается крохотная искорка надежды.

Я нагибаюсь, чтобы мое лицо оказалось вровень с ее. Мне очень хочется сказать: «Да, Анжелина, именно так. Я пришел вас спасти». Но слова застревают в горле. И я вижу, что молчание, которое вместо слов выливается у меня изо рта, почти затушило огонек надежды, который я видел во взгляде девочки. Когда наконец-то я обретаю голос, крохотное пламя почти угасло. Тем не менее мои слова абсолютно искренни:

– Ты права, Анжелина. Я пришел вас спасти.

Девочка делает шаг вперед, огонек снова вспыхивает.

– А ты сможешь? – удивленно спрашивает она. – Ты правда нас спасешь?

Даже восьмилетний ребенок понимает: избавление едва ли возможно. Ей нужно все перепроверить, чтобы потом не разочароваться.

– Я... попытаюсь, – говорю я.

И девочка улыбается.

Она обнимает меня. А потом говорит:

– Спасибо, Эд.

Девочка поворачивается и показывает пальцем:

– Первая комната направо. – Ее шепот едва слышен.

Если бы все было так легко...

– Ну же, Эд, – говорит Анжелина. – Они там, там...

Но я не могу сдвинуться с места.

Страх обмотался вокруг щиколоток, и я понимаю: ничего не получится. Во всяком случае, сегодня. Да и вообще, похоже, не выйдет. Стоит мне двинуться, я запнусь о кольца страха и упаду.

Я жду, что девочка сейчас закричит на меня. Пискнет что-то вроде: «Эд, ты же обещал! Ты ведь обещал, как же так!»

Но она молчит. И я думаю, что ей понятно: отец – огромный, сильный мужчина. А Эд – тощий и хилый, не идет ни в какое сравнение. Девочка не кричит. Она подходит и просто повисает на мне. И пытается залезть под куртку, – из спальни снова доносятся звуки. Анжелина обнимает меня так крепко, что я боюсь за ее хрупкие детские косточки. Потом она отцепляется и говорит:

– Спасибо, что попытался спасти нас, Эд.

И уходит.

А я не могу сказать ни слова. Потому что не чувствую ничего, кроме стыда. Ноги подкашиваются. Я падаю на колени и бьюсь лбом о косяк двери. Мои легкие на пределе, похоже, из горла сейчас хлынет кровь. В ушах оглушающе стучит сердце.

Я лежу в постели, ночь поглотила меня. Но я не сплю. Как

уснуть, если на тебе буквально только что висел, спасаясь от ужаса тьмы, маленький ребенок в желтой пижаме?

Похоже, я скоро сойду с ума. Если не вернусь на Эдгар-стрит в ближайшую ночь – точно рехнусь. И еще эта девчушка, – если бы она не вышла... Впрочем, я знал, что она выйдет. Должен был знать. До этого она все время выходила и плакала на крыльце. А потом ее сменяла мать. И вот я лежу в полной темноте на спине, в своей кровати, и понимаю: я хотел с ней встретиться. Мне это было нужно – для храбрости. Чтобы набраться мужества войти в дом. Но я позорно облажался. Провалил все, что можно. И теперь в меня вселяется новое предчувствие, и оно скверное.

В двадцать семь минут третьего звонит телефон.

Его дребезжание выстреливает в воздух, я подпрыгиваю, подбегаю к аппарату и тупо смотрю на него. Не к добру это все, ох не к добру...

– Алло?

Голос на другом конце провода выжидательно молчит.

– Алло? – повторяю я.

Наконец из трубки слышатся слова. Мне представляются губы, произносящие их. Голос суховатый, надтреснутый. Дружелюбный, но очень деловой.

– Загляни в почтовый ящик, – говорит он.

Накатывает тишина, и голос замолкает. На другом конце провода больше не слышно дыхания.

Я вешаю трубку и очень медленно иду к двери, а потом к

почтовому ящику. Звезды скрылись, в воздухе висит морось, и каждый из моих шагов подводит меня все ближе к цели. Я наклоняюсь и вижу, как дрожит моя рука, открывающая ящик.

Внутри я нащупываю что-то холодное и тяжелое.

Мой палец ложится на спусковой крючок.

Меня продирает дрожь.

К ♦. Убийство в соборе

В пистолете только одна пуля. Один патрон для единственного человека. Всякий оптимизм окончательно покидает меня, и я чувствую себя несчастнейшим парнем на земле.

«Эд, ты всего лишь таксист! Как тебя угораздило влипнуть в такую историю? Надо было лежать, как все, и не рыпаться во время того ограбления...»

Примерно в таких выражениях я беседую сам с собой, пока сижу на кухне и таращусь на пистолет в руке. Он постепенно нагревается. Швейцар проснулся и требует кофе, а я не могу подняться и продолжаю смотреть на зажатое в пальцах оружие. Они что, не понимают? Я же обалдуй! Неумеха! Я буду стрелять в мужика, а попаду себе в ногу! И вообще. Это слишком далеко зашло. Пистолет! А, каково? Пистолет! Ну нет. Я никого убивать не собираюсь. Во-первых, я трус. Во-вторых, слабак. В третьих, в день ограбления мне просто повезло, – я ж до этого пистолет никогда и в руках-то не держал...

Меня душит злость.

«Почему именно я? За что избран именно я? Я ведь не тот, кто вам нужен, пожалуйста...»

Нытье нытьем, но мне абсолютно ясно, что придется сделать дальше.

«Тебе первые два задания понравились? – ругаю я себя. – Вот теперь поди и выполни это».

А если не получится? Тогда, наверное, человек с другого конца провода придет по мою душу. Может, это его изначальный план. Допустим, дело обстоит так: либо стреляю я, либо в меня – оставшимися пулями из этого пистолета.

«Черт! И как мне теперь спать?!» – думаю я.

Так и грызу недолго заработать...

Я принимаюсь перебирать старые пластинки, – коллекция винила досталась мне от отца. А что, хорошо помогает снять стресс. Лихорадочно роюсь и наконец нахожу то, что нужно, – «Proclaimers». Кладу пластинку на проигрыватель и наблюдаю, как она крутится. Звучит дурацкое начало песни «Five hundred miles», и я прихожу в натуральное бешенство. Что ж такое, даже любимая группа выводит из себя! Мерзость, а не песня.

Я меряю шагами комнату.

Швейцар смотрит на меня как на безумца.

Да! Да! Официально заявляю: я ненормальный!

Три часа утра, а я включил на полную громкость «Proclaimers», чтобы насладиться, блин, музыкой, которая меня бесит! Плюс я должен пойти и убить кого-то! Офигительная полнота жизни, ничего не скажешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.